

Дьявол носит чёрный

Автор:

[Л. Дж. Шэн](#)

Дьявол носит чёрный

Л. Дж. Шэн

Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн

У Мэдисон Голдблум идеальная жизнь. Успешная карьера в мире моды, шикарная квартира в Нью-Йорке и симпатичный бойфренд. Вернее, это всё было... пока Чейз Блэк не нагрянул как гром среди ясного неба.

Мало того что бывший парень Мэдди нагло вторгся в её дом, так ещё и обратился с возмутительной просьбой. Девушка должна притвориться невестой Чейза перед всей его семьей! И хотя он – человек, разбивший ей сердце, для Мэдди сыграть роль возлюбленной не так уж и сложно. Особенно если это означает, что она сможет наблюдать за тем, как высокомерный дьявол будет ползать у её ног.

Говорят, держи врагов ближе. Но что, если враг – это любовь всей твоей жизни?

Л. Дж. Шэн

Дьявол носит чёрный

Посвящается Лин и Лилиан.

Вы, леди, мои любимые дамочки из литературного клуба.

Что общего между дьяволом и черным цветом?

Они мрачные и никогда не выходят из моды.

Чейз Блэк,

исполнительный директор Black & Co.

L. J. Shen

THE DEVIL WEARS BLACK

Copyright © 2021. THE DEVIL WEARS BLACK by L. J. Shen

The moral rights of the author have been asserted

© Борискина В. А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Плейлист

Trevor Daniel – «Falling»

Healy – «Reckless»

Kasabian – «Fire»

The Waterboys – «Fisherman's Blues»

MAX feat. Quinn XCII – «Love Me Less»

The Cars – «Drive»

The Rolling Stones – «Sympathy for the Devil»

Глава 1

Мэдди

10 октября, 1998

Дорогая Мэдди,

Сейчас тебе пять, и ты без ума от желтого цвета. Вчера ты даже попросила разрешения выйти за него замуж. Надеюсь, он все еще присутствует в твоём гардеробе.

(Также хочется верить, что для брака ты нашла более подходящую кандидатуру.)

Интересный факт: когда испанские исследователи достигли Америки, они подумали, что подсолнухи сделаны из золота.

Человеческий мозг столь изобретателен!

Всегда оставайся такой же творческой.

С любовью,

Мама. X

* * *

Официально заявляю, что у меня случился сердечный приступ.

На это указывали все признаки, и в данном случае я уверена, что просмотрела достаточно серий «Анатомии страсти», чтобы самостоятельно поставить диагноз:

Путаница в мыслях? Присутствует.

Общее оцепенение? Присутствует.

Внезапная головная боль? Проблемы со зрением? Трудности при ходьбе? Присутствует, присутствует, присутствует.

Хорошая новость, я как раз гуляла с доктором. В буквальном смысле. Когда проявились первые симптомы, он провожал меня домой после прогулки. По крайней мере, при необходимости смогу незамедлительно получить первую медицинскую помощь.

Спрятав кулаки в карманы блестящего желтого в фиолетовый горошек пиджака (моего любимого), я расправила плечи и прищурилась, глядя на крупную фигуру мужчины, сидевшего на лестнице дома, где я снимала апартаменты, надеясь, чтобы он чудесным образом испарился. Но он остался на месте; голубоватое сияние от экрана телефона освещало его лицо. Летний воздух танцевал вокруг незваного гостя, потрескивая, будто фейерверк. Каждый отблеск залитой цветом виски улицы подчеркивал его профиль, словно он стоял на сцене, требуя всеобщего внимания. Меня захлестнула раскаленная добела паника. Я знала лишь одного человека, способного заставить вселенную плясать вокруг себя подобно гавайским танцовщицам.

С неохотой я исключила возможность сердечного приступа.

Нет. Ему и в голову не придет здесь появиться. Только не после нашего расставания.

– ...и вот мой маленький пациент наклоняется ко мне и говорит: «Могу я рассказать вам секрет?» А я такой: «Конечно», думая, что он собирается проболтаться о разводе своих родителей. Но ребенок просто произносит:

«Наконец-то я понял, кем работает моя мама». Я спрашиваю его, и кем же, а он отвечает... Постой, Мэдди. – Итан, мой кавалер, поднял руку и присел, опершись другой рукой о колено, явно переоценивая комический потенциал своей истории. – «Она подсунула мне под подушку новый iPad в тот день, когда у меня выпал первый зуб. Моя мама – зубная фея. Я самый счастливый мальчик на свете!»

Запрокинув голову, он рассмеялся, совершенно не обращая внимания на мой внутренний срыв. Мой спутник красив: волосы, глаза и туфли имели схожий оттенок орехово-коричневого цвета, с телосложением бегуна, и образ завершался галстуком с нарисованным Скуби-Ду. Правда, Итан далек от образа доктора «Ожившая Мечта». Скорее напоминает доктора «Реальность». И да, во время трапезы в ресторане эфиопской кухни он рассказал двенадцать историй про своих юных пациентов, чуть не падая со смеху всякий раз, когда пересказывал их остроумные наблюдения. Но Итан Гудман именно тот парень, который мне нужен.

А мужчина на лестнице стал тем самым человеком, кто преподавал мне этот болезненный урок.

– Устами младенца. – Я теребила свою сережку в виде подсолнуха. – Я скучаю по своей наивности. Если бы могла сохранить что-нибудь из детства, то выбрала бы ее.

Мужчина на моей лестнице встал и повернулся в нашу сторону. Он оторвался от телефона, и наши взгляды встретились. Мое сердце сдулось, как воздушный шарик, сделало несколько хаотичных кругов, а затем рухнуло на глубину моего желудка.

Это он, все верно.

Целых 6,2 фута[1 - 6,2 фута – примерно 188 см.] точеной фигуры и безжалостной сексуальности. Закутанные в свежую черную рубашку, подвернутую до локтей, обнажая предплечья толщиной с мои бедра, испещренные проступающими венами и мускулами. Лайла, моя подруга детства, позже ставшая соседкой, называла его живым воплощением Гастона[2 - Гастон – главный антагонист мультфильма «Красавица и чудовище» (1991 г.)]. «Приятная внешность, но руки так и чешутся сбросить его с крыши».

Мужчина хмурился, будто сам не мог понять, что он тут делает.

С растрепанными черными волосами.

Раскосыми серо-голубыми глазами, подобно персонажу из корейской манхвы.

С этим подбородком греческого бога, способным заставить вас совершить военные преступления ради шанса вонзиться зубами в его кожу, подобно животному.

Но я знала, что он не был ни мистером Ожившая Мечта, ни мистером Реальность.

Чейз Блэк – дьявол во плоти. Мой личный сатана. Всегда облачен в черное. С кончика его языка в любую минуту готов сорваться едкий комментарий, а его намерения так же порочны, как и ухмылка. А я? Меня не зря прозвали Мученицей Мэдди. Я не способна совершить подлость, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Чего, к счастью, еще не случилось.

– Правда? Если бы я мог сохранить что-то из детства, то выбрал бы первый выпавший молочный зуб. Моя собака его проглотила. Да, определенно, – с энтузиазмом заметил Итан. Я вновь обратила внимание на своего спутника. – Разумеется, несчастные случаи с собаками – не редкость. Как в тот раз, когда другой мой пациент – боже, подожди, ты обязана услышать эту историю, – он попал в нашу педиатрическую клинику из-за подозрительной сыпи...

– Итан? – я замерла на полпути, не в силах сосредоточиться на очередной милой истории. Не то чтобы они не были захватывающими, но у моего порога буквально застыло бедствие, готовое перевернуть вверх тормашками всю мою жизнь.

– Да, Мэдди?

– Мне так жаль, но, кажется, меня подташнивает. – Технически это даже не ложь. – Мы ведь можем завершить сегодняшний вечер пораньше?

– О нет. Думаешь, это из-за tere siga[3 - Tere siga – эфиопское блюдо, в основе которого лежит сырое мясо.]? – Итан нахмурился, состроив щенячий взгляд, разбивающий мне сердце.

Хвала господу, он был слишком занят рассказами о своих пациентах, чтобы заметить гигантского мужчину возле входной двери.

– Вовсе нет. Я уже несколько часов чувствую себя не в своей тарелке. Зря надеялась, что станет легче. – Тяжело сглотнув, я взглянула на Чейза за спиной Итана.

– Уверена, что будешь в порядке?

– Абсолютно. – Я с улыбкой разгладила его галстук со Скуби-Ду.

– Мне нравится твой позитивный настрой. Он делает мир лучше. – Глаза Итана заискрились. Он наклонился и поцеловал меня в лоб. У него проявились ямочки. Ямочки прекрасны. Итан тоже великолепен. Так почему же мне не терпелось распрощаться с ним только для того, чтобы убить неожиданного гостя возле своего дома, дабы все прохожие стали свидетелями?

О, верно – потому что Чейз Блэк разрушил мою жизнь и оставил меня собирать ее по кусочкам, пока каждый осколок наших разрушенных отношений все глубже вонзался в мою плоть.

Но об этом чуть позже.

Для начала нужно попрощаться с моим идеальным, почти спасшим меня от сердечного приступа доктором Реальность.

* * *

Пока я преодолевала остаток пути до своего дома, мое сердце бешено колотилось в груди, словно рыба, выброшенная на сушу, и перебирала варианты того, как поприветствовать Чейза. Во всех фантазиях я выглядела беззаботной, была на пять дюймов выше и носила роковые «Лабутены», а не зеленые туфли «Бабетта».

Забавно, не помню, чтобы оставляла мусор на улице. Позвольте проводить вас обратно к мусорному баку, мистер Блэк.

О, ты хочешь извиниться? Можешь уточнить, за что именно? За измену, ту унижительную часть, когда мне пришлось сдать анализ на венерические заболевания, или просто за потраченное впустую время?

Ты заблудился, сладкий? Хочешь, отведу тебя в бордель, который ты явно ищешь?

Достаточно сказать, что Чейз Блэк не пробуждал во мне Мученицу Мэдди.

Я остановилась в трех шагах от него. Мои нервы были такими же потрепанными, как мое платье с персиковым узором, и я ненавидела этот волнительный трепет в груди.

Он напомнил, какой глупой я становилась рядом с Чейзом. Удобной. Покорной.

– Мэдисон. – Чейз вздернул подбородок, оглядывая меня с головы до ног. Это прозвучало скорее как приказ, а не приветствие. То, как покровительственно он свел брови, тоже не выглядело любезно.

– Что ты здесь делаешь? – прошипела я.

– Впустишь меня? – он спрятал свой телефон в передний карман. Сразу к делу. Не «могу ли я войти?», а «впустишь меня?». Никаких «Как ты?» или «Прости за то, что раскрошил твое сердце в пыль». Или «Как поживает Дейзи, австралийский пудель, которого я подарил тебе на Рождество, хотя ты не менее трех раз упоминала о своей аллергии на собак, а теперь твои друзья прозвали его австрописским за склонность писать людям в обувь?»

Я вцепилась в лацканы тонкого летнего пиджака, злясь на себя за то, как дрожат мои пальцы.

– Не хотелось бы. Если просто ищешь, с кем бы потрахаться в Нью-Йорке, то ты ошибся адресом. Можешь вычеркнуть мое имя из списка.

Летний зной сочился из бетона, клубясь подле моих ног подобно дыму. Сумерки ничуть не приглушили жару. Манхэттен был липким, раздутым от пота и гормонов. Улицы заполнили парочки и стайки туристов, шумные офисные

сотрудники и дурные студенты. Я не испытывала желания устраивать публичную сцену, но еще меньше мне хотелось впускать Чейза в квартиру. Знаете, как говорят: «Если любой может это заполучить, то мне оно не нужно». Это касалось его тела. После нашего расставания мне потребовались недели, дабы избавить простыни от исключительного запаха Чейза Блэка. Его аромат следовал за мной повсюду, словно грозовая туча. При мысли о нем я все еще чувствовала, как глаза наполняются слезами.

– Послушай, я знаю, что ты расстроена, – начал он сдержанным тоном, будто вступая в переговоры с диким медоедом.

Я оборвала его дрожащим голосом, удивленная собственной напористостью.

– Расстроена? Я расстроена, что у меня сломалась стиральная машина. Что мой щенок прогрыз вязаное голубое пончо, которое я купила прошлой зимой, и что придется долго ждать следующий сезон «Певца в маске».

Чейз открыл рот, несомненно, чтобы возразить, но я подняла руку, размахивая ею для выразительности.

– Твой поступок не расстроил меня, Чейз. Он меня опустошил. Я не прочь признать это сейчас, потому что теперь ты мне настолько безразличен, что я даже забыла, каково это – быть под тобой. – Я едва перевела дух, прежде чем извергнуть в его сторону еще больше вулканического огня. – Нет, я тебя не впущу. Что бы ты ни хотел мне сказать, – я указала перед собой, – вот твоя сцена.

Он провел рукой по волосам, таким темным и мягким на вид, что у меня защемило в груди, и взглянул на меня так, словно я бомба замедленного действия, которую ему предстояло обезвредить. Я не могла понять: раздражен он, рассержен или же полон раскаяния. Казалось, что в нем смешались все три эмоции. Никогда не могла понять, что Чейз чувствует на самом деле, даже когда он оказывался глубоко внутри меня. Я просто лежала, глядя ему в глаза, и видела в них собственное отражение, смотрящее в ответ на меня.

Сложив руки на груди, я гадала, что послужило причиной его визита. Мне не доводилось слышать о Блэке с тех пор, как мы расстались полгода назад. Но зато я знала от Свена, моего босса, о женщинах, которых Чейз приводил к себе в

пентхаус после нашего разрыва. Мой босс жил в том же роскошном здании на Парк-авеню, что и Чейз. Судя по всему, последний не рыдал по ночам в подушку.

– Пожалуйста. – Слово неловко скрутилось у него на языке, словно сделано из гравия. Чейз Блэк не привык просить о чем-то вежливо. – Это довольно личный вопрос. И я бы не хотел, чтобы все прохожие стали его свидетелями.

Я выудила ключи из маленького клатча, поднимаясь по лестнице. Чейз все еще стоял на первой ступеньке, прожигая глазами дыру в моей спине. Впервые его взгляд выражал нечто большее, чем холод, но я оказалась к нему совершенно невосприимчива. Я толкнула входную дверь здания, игнорируя его просьбу. Забавно, но мне всегда казалось, что будет приятно отшить Чейза так же, как он сделал это со мной. Но прямо сейчас мои чувства перемежались болью, гневом и замешательством. Триумф не мелькал даже на горизонте, а радость оказалась очень далеко. Я уже почти переступила порог, но следующие слова Блэка заставили меня остановиться.

– Слишком напугана, чтобы уделить мне десять минут своего времени? – он бросил мне вызов, усмешка в его голосе напоминала удар в спину. Я замерла. Вот теперь я его узнаю?. Холодный, расчетливый. Игриво безжалостный. – Если я тебе настолько безразличен и ты совсем не хочешь оказаться подо мной, как только мы поднимемся наверх, то вполне можешь вернуться к своему блаженному существованию без Чейза после того, как я скажу свое слово, разве нет?

Напугана? Он думает, что я боюсь? Будь я еще более невосприимчива к его чарам в этот момент, меня бы стошнило при одном его виде.

Я повернулась, выпятив бедро, и вежливо улыбнулась.

– Настолько уверен в себе?

– Достаточно, чтобы привлечь твое внимание, – невозмутимо ответил он, ужасно напоминая человека, который вовсе не хочет здесь находиться.

Тогда что он здесь вообще делает?

– Пяти минут будет достаточно, и лучше тебе вести себя прилично. – Я указала на него клатчем.

– Клянусь. Готов умереть, если совру. – Он насмешливо приложил руку к груди.

– Что ж, меня это вполне устроит.

Мои слова вызвали у него смех. Я поднялась к своей квартире на втором этаже, даже не удосужившись оглянуться и посмотреть, следует ли Чейз за мной. Я все еще пыталась понять, зачем он здесь. Может, он только что покинул стены реабилитационного центра, где лечился от пагубной сексуальной зависимости? Мы встречались всего полгода, но за это время стало совершенно очевидно, что Чейз не успокоится, пока у меня не появятся ожоги от ковра по всей спине и неровная походка на следующий день после наших утех. Не то чтобы я тогда жаловалась – секс составлял ту часть наших отношений, где все складывалось хорошо, – но он был ненасытным котом.

Да, это мое лучшее предположение. Вероятно, его визит – одна из двенадцати ступеней процесса реабилитации. Чтобы загладить вину перед теми, кого он обидел. Блэк собирался извиниться и уйти, тем самым поставив окончательную точку в нашей истории. Очищающий опыт, правда. Что сделает начало отношений с Итаном еще идеальней.

– Я практически слышу, как ты слишком много думаешь, – проворчал Чейз, поднимаясь по лестнице позади меня. Забавно, но в его голосе не слышалось ни капли сожаления. Только его обычное придурковатое поведение.

– А я практически чувствую твой взгляд на своей заднице, – ровным тоном парировала я.

– Можешь почувствовать на ней и другие части меня, если тебе так хочется.

Мэдди, только не вонзай в него нож. Чейз не стоит тюремного срока.

– Кто тот парень? – Он вызывающе зевнул. В его словах всегда присутствовала дьявольская нотка. Чейз разговаривал в бесстрастной манере, допуская лишь легкую иронию, дабы напомнить, что он лучше вас.

– Ого. Вау. – Я раздраженно покачала головой. У него хватило наглости спросить меня об Итане.

– Ого-вау? Он рэпер? Если да, то ему не мешает макияж. Расскажи парню про клуб Black & Co. У нас действует пятнадцатипроцентная промокодка на услуги личного стилиста.

Не оборачиваясь, я показала Чейзу средний палец, игнорируя его мрачную усмешку.

Мы остановились возле моей двери. Лайла жила напротив. Собственность домовладельца была разделена на две студии. Лайла первой переехала в Нью-Йорк после нашего выпуска. Когда она сказала мне, что квартира-студия напротив свободна, поскольку бывшие жильцы переехали в Сингапур, и что домовладелец предпочитает арендаторов, которые платят вовремя, я ухватила за эту возможность. Днем Лайла работала воспитателем в детском саду, а по вечерам подрабатывала няней, чтобы поддерживать свой доход. Мне сложно вспомнить ее без малыша на руках или вне процесса вырезания букв и цифр для урока на следующий день. Каждое утро она приклеивала к своей двери слово дня. Отличный способ поговорить со мной, даже когда мы не имели возможности обменяться даже парой слов в течение суток. С годами я даже привязалась к ежедневным словам Лайлы. Они стали спутниками, своего рода маленькими знаками. Предсказаниями о том, как пройдет мой день. Но сегодня, спеша на работу, я забыла взглянуть на заветные буквы.

И рассеянно посмотрела на надпись сейчас, сунув ключ в скважину своей двери.

Опасность: подверженность или ответственность за травмы, боль, вред или потери.

Меня охватило дурное предчувствие. Оно зародилось у основания позвоночника, оказывая постоянное давление.

– Ты здесь не для того, чтобы извиниться, да? – вздохнула я, не сводя глаз с двери.

– Извиниться? – рука Чейза, появившись из-за моей спины, легла над моей головой. Его теплое дыхание опалило мою шею, отчего крошечные волоски на

ней встали дыбом. Эффект Чейза. – За что, черт возьми?

Я толкнула дверь, впуская его в квартиру. В мои владения. В мою жизнь.

Болезненно осознавая тот факт, что в последний раз, когда Чейз ворвался в мое королевство, он сжег его дотла.

Глава 2

Мэдди

2 июля, 1999

Дорогая Мэдди,

Сегодня мы вложили увядшие маргаритки миссис Ханнам меж страниц твоих детских книг. Ты сказала, что хочешь похоронить их как следует, потому что тебе их жаль. От твоего сочувствия у меня перехватило дыхание. Вот почему я развернулась и покинула комнату. Не из-за пылицы. Конечно, нет. Господи, я же флорист!

Интересный факт: маргаритки символизируют чистоту, новые начинания.

Я надеюсь, что ты по-прежнему сострадательна, добросердечна и помнишь, что каждый день – это новое начало.

С любовью, навсегда, мама. Х

* * *

Я отбросила обувь к стене. Дейзи вскочила со своей подстилки на подоконнике возле цветов, завиляла хвостом и принялась лизать пальцы моих ног в знак

приветствия. По правде говоря, не самая девчачья ее привычка, но одна из наименее пагубных.

– Чему я обязана этим неудовольствием, мистер Блэк? – я сняла желтый пиджак.

– У нас проблема. – Чейз погладил Дейзи, прежде чем пройти в мою студию. Казалось несправедливым, почти безумным, что я потратила столько слез и бессонных ночей, дабы примириться с фактом, что он никогда больше не будет просто стоять на моей кухне, только для того, чтобы... ну, позволить ему вновь здесь находиться и выглядеть чертовски уместно. Будто ничего не изменилось. Но это неправда. Я изменилась.

Чейз заглянул в холодильник, вытащил банку диетической колы – моей диетической колы, – а затем, прислонившись к кухонному столу, открыл ее и сделал глоток.

Я пронзила его взглядом, задаваясь вопросом, не случился ли у него внезапный сердечный приступ. Он оглядел мое сжатое, крошечное пространство, без сомнения оценивая изменения, привнесенные после его последнего визита. Новые обои, свежие простыни и (наименее заметная, но тем не менее существующая) свежая вмятина в моем сердце, имеющая форму его железного кулака. Чейз включил свет – у меня один переключатель на всю квартиру – и тихонько присвистнул.

Под неумолимым свечением светодиодов я заметила, что он растрепан и небрит. Глаза налиты кровью, а рубашка немного смята. Его стрижка за двести долларов отчаянно нуждалась в подравнении. Сейчас он совсем не походил на красивого безупречного повесу, коим горделиво себя считал. Казалось, будто мир наконец-то решил взвалить свою сокрушительную тяжесть на его славные плечи.

– Похоже, ты понравилась моей семье, – холодно признал Чейз, словно подобная перспектива была столь же маловероятна, как и существование единорога.

Я направилась к нему и забрала диетическую колу. Из принципа сделала глоток и поставила банку на стойку между нами.

– И?

– Мама никак не может перестать болтать о банановом хлебе, который ты обещала для нее испечь; мечта моей сестры – стать твоей лучшей подружкой, поскольку ты связала ей ту шапку; а отец клянется, что ты – женщина мечты каждого мужчины.

– Я тоже очень высокого мнения о твоей семье, – сказала я. И это правда. Семейство Блэков совсем не походило на то отродье, которое они по ошибке выпустили в мир. Они были милыми, сострадательными и гостеприимными. Всегда улыбались и, самое главное, часто предлагали мне бокал вина.

– Но не обо мне, – добавил он с довольной ухмылкой, наводящей на мысль, что от неприязни в свою сторону Чейз получает особое удовольствие. Словно он достиг своей цели. Разблокировал новый уровень в видеоигре.

– Не о тебе, – коротко кивнула я. – Вот почему лестью ты ничего не добьешься.

– Я и не пытаюсь ничего от тебя добиться, – заверил он меня, выпячивая грудь. Отголоски его аромата – дерева, лосьона после бритья и мужчины – проникли в ноздри, заставив меня вздрогнуть. – По крайней мере, не в том смысле, о котором ты думаешь.

– Ближе к делу, Чейз. – Я вздохнула, опустив взгляд и пошевелив пальцами ног. Мне хотелось, чтобы он поскорее убрался отсюда, дабы я могла нырнуть под одеяло и запоем смотреть «Сверхъестественное». Единственное, что могло спасти сегодняшний вечер, – это здоровая доза Дженсена Эклса в сочетании с невероятным количеством шоколада и импульсивными покупками в Интернете. И еще вино. Убила бы за бутылку. Предпочитая, чтобы жертвой стал стоящий передо мной мужчина.

– Есть проблема, – снова сказал он.

С ним она есть всегда. Я смотрела на него пустым взглядом, безмолвно призывая продолжать. Затем случилась самая странная вещь. Он... что... вздрогнул? Чейз Блэк.

– Возможно, я забыл упомянуть при них, что мы расстались, – осторожно сказал он, переводя взгляд на Дейзи, которая в данный момент с восторженной

собачьей улыбкой приставала к ножке дивана.

– Ты что? – у меня закружилась голова, и я стиснула зубы. – Прошло шесть месяцев. – И три дня. И двадцать один час. Не то чтобы я считала. – О чем ты думал?

Он потер костяшки пальцев о щетину, по-прежнему не сводя глаз с моего щенка.

– Честно говоря, я думал, ты поймешь, что отреагировала слишком остро, и вернешься.

Будь я мультяшным персонажем, моя челюсть упала бы прямо на пол, а язык бы выкатился, словно красный ковер, врезаясь в дверь, через которую я бы позже вышвырнула Чейза, оставив в ней дыру в форме его тела.

Судорожно вздохнув, я прижала пальцы к векам.

– Ты шутишь. Скажи, что ты просто дурачишься.

– С моим чувством юмора я бы придумал что-нибудь получше.

– Что ж, надеюсь, что твой рассудок столь же прекрасен, так что можешь вернуться к своей семье и сказать им, что мы окончательно расстались. – Я вернулась к двери, распахнула ее и кивком указала ему на выход.

– Есть еще кое-что. – Чейз остался стоять на месте, небрежно засунув руки в карманы. У него в арсенале имелось несколько фирменных поз, чернилами отпечатавшихся на внутренней стороне моих век и сохраненных для дождливых дней с вибратором «Волшебная палочка».

Чейз небрежно прислоняется бедром к неодушевленному предмету.

Чейз опирается на верхнюю часть дверного косяка, его бицепсы и трицепсы выпирают из-под коротких рукавов футболки.

Чейз, засунув одну руку в передний карман, медленно раздевает меня своим сексуальным взглядом.

По сути, у меня сохранился целый каталог бывших, доводящих до оргазма одним только внешним видом. Должно быть, я достигла совершенно нового уровня жалости.

– Я собирался рассказать им о нашем разрыве пару недель назад, но отец опередил меня с плохими новостями.

– Вот черт. Суперяхта сломалась? – я приложила руку к груди, изображая беспокойство. Ронан Блэк, владелец Black & Co., самого оживленного универмага на Манхэттене, вел волшебную жизнь, полную круизов, частных самолетов и грандиозных семейных торжеств. Тем не менее беседа о людях, которые так радушно приняли меня в своем доме, оставляла кислое послевкусие.

– У него рак четвертой стадии. Простата. Уже поражены кости. Почки. Кровь. Он не ходил на скрининг. Мама годами умоляла его, но, думаю, отец не хотел неудобств. Излишне говорить, что это неизлечимо. Жить ему осталось три месяца. – Чейз сделал паузу. – По самому благоприятному прогнозу.

Он сообщил новость сухо, сохраняя бесстрастное выражение лица. Его взгляд по-прежнему прикован к Дейзи, которая позабыла о диване и, раскинув лапы возле ног Чейза, умоляла помассировать живот. Он наклонился и рассеянно почесал ее, ожидая, пока я переварю новости. Его слова проникали в меня подобно яду, распространяясь медленно и смертоносно. Они поразили в самую глубь, в тот тугой клубок беспокойства, который я хранила глубоко в душе. Клубок моей мамы. Я знала, что Чейз близок со своим отцом. Я также знала, что младший Блэк полон гордости и никогда не позволит себе сломаться, особенно перед тем, кто его ненавидит. У меня подогнулись колени, воздух застрял в гортани, отказываясь пробираться в легкие.

Я сопротивлялась желанию сократить пространство между нами и обнять Чейза. Он бы воспринял мою теплоту за жалость, а я его не жалела. В шестнадцать лет я пережила потерю матери от рака груди, после ее продолжительной борьбы с болезнью. Потому я понимала его состояние. Мне хорошо известно, что прощаться с родителями всегда слишком рано. И что наблюдать, как тот, кого ты любишь, проигрывает битву своему организму, причиняло столько же боли, сколько испаривание собственного живота.

– Мне так жаль, Чейз. – Неуклюжие и невесомые слова, наконец, сорвались с моих губ. Я вспомнила, как сильно папа ненавидел, когда ему говорили подобное. «Какой толк от их сожалений? Айрис от этого не станет лучше». Затем подумала о маминых письмах. Обычно я начинала утро с одного из них и чашки крепкого кофе, но сегодня я прочитала два. Нутром чувствовала, что мне предстоит сложный день. И не ошиблась.

«Я надеюсь, что ты по-прежнему сострадательна и добросердечна».

Интересно, что бы она подумала о моем прозвище? Мученица Мэдди. Та, кто всегда готова спасти положение.

Взгляд Чейза переместился с Дейзи на меня. Он был пугающе пуст.

– Спасибо.

– Если я могу что-то сделать...

– Можешь. – Он быстро выпрямился, стряхивая с себя собачью шерсть.

Я вопросительно склонила голову набок.

– В первые дни после того, как отец сообщил нам эту новость, в моей семье царил полнейший хаос. Кэти не вышла на работу. Мама не вставала с постели, а отец бегал туда-сюда, пытаясь всех утешить, вместо того чтобы позаботиться о себе. Это было, за неимением лучших слов, чертовски дерьмовое шоу. И оно продолжается.

Мне известно, что Лори Блэк и раньше сталкивалась с депрессией, но узнала я это не от Чейза, а благодаря подробному интервью, которое она дала журналу Vogue несколько лет назад. Она откровенно поведала о своих самых мрачных периодах, продвигая некоммерческую организацию, в которой работала волонтером. Кэти, сестра Чейза, занимала должность директора по маркетингу в Black & Co и была шопоголиком. Что на деле менее мило и причудливо, чем звучит. Кэти страдала от сильных приступов панических атак. Ее эпизоды включали в себя интенсивные, неконтролируемые походы по магазинам, чтобы избавиться от всего, что ее нервировало. Спонтанные траты позволяли ей

немного легче дышать, но потом она всегда испытывала ненависть к себе. Это сродни эмоциональному перееданию, только с дизайнерской одеждой. Собственно, так ей и поставили диагноз. Шесть лет назад Кэти впала в расточительное безумие после того, как ее бросил парень. Она потратила двести пятьдесят тысяч долларов чуть менее чем за сорок восемь часов, полностью опустошила три кредитные карты, и Чейз нашел ее буквально погребенной под горой коробок из-под обуви и одежды в ее гардеробной, плачущей в обнимку с бутылкой шампанского.

Чейз, должно быть, прочитал мои мысли, поскольку ринулся в наступление, напряженно удерживая мой взгляд.

– Учитывая послужной список моей матери, не будет излишним предположить, что она на прямом пути в страну депрессий. Когда я пошел проверить Кэти, ее дверь оказалась заблокирована пакетами с «Амазона». Мне требовался жертвенный агнец.

– Чейз. – Мой голос сорвался. Внутри зародилось чувство, что я бедное животное, которого вот-вот бросят в коптильню. Лицо Блэка ничего не выражало, тон оставался сдержанным.

– Мне пришлось импровизировать на ходу. И я тоже сделал объявление.

Он схватил банку между нами и отхлебнул, не сводя с меня глаз. Царила тишина. Мое сердце крутилось, как хомяк в колесе. Кончики пальцев покалывало. Паника сдавила горло.

– Я сказал им, что мы помолвлены.

Я ничего не ответила.

По крайней мере, не сразу.

Схватив банку диетической колы, я швырнула ее в стену, наблюдая, как расплескивается авангардная картина из коричневого шипучего напитка. Кому могло прийти в голову так поступить? Сказать семье, что помолвлен со своей бывшей девушкой, которой сам же изменил? А теперь он здесь и, будучи

полнейшим придурком, который даже не соизволил извиниться, небрежно сообщает мне эти новости.

– Ах, ты убл...

– Стало только хуже. – Чейз поднял ладонь, его взгляд остановился на моем подоконнике, заставленном цветами в горшках разных оттенков, и на подстилке Дейзи. – Как оказалось, объявление о помолвке стало именно тем, что доктор прописал. Для Блэков семья – божественный закон. Мама обрела новый повод для волнения, отвлекший ее мысли от папы и большой буквы «Р». И, похоже, в эти выходные у нас с тобой состоится вечеринка в честь помолвки в Хэмптонсе.

– Вечеринка в честь помолвки? – повторила я, часто моргая. И почувствовала признаки морской болезни. Словно земля подо мной раскачивалась в такт моему пульсу. Чейз кратко кивнул.

– Естественно, мы оба должны присутствовать.

– Единственное, что естественно, – медленно произнесла я, ощущая в голове полнейший беспорядок, – это то, что ты бредишь. Ответ на твою невысказанную просьбу – нет.

– Нет? – повторил он. Еще одно слово, к которому Чейз не привык.

– Нет, – подтвердила я. – Я не пойду с тобой на вечеринку в честь нашей фиктивной помолвки.

– Почему? – спросил он с искренним недоумением. Я поняла, что за все тридцать два года существования Чейз практически не сталкивался с отказами. Он красив, умен и так неприлично богат, что не смог бы потратить все свое состояние, даже если бы посвятил этому делу целую жизнь, а еще он имел завидное манхэттенское происхождение. В теории он слишком хорош, чтобы быть правдой. На деле же настолько плох, что рядом с ним тяжело дышать.

– Потому что я не собираюсь праздновать фальшивые отношения и обманывать десятки людей. И потому, что пункт, по которому я оказываю тебе одолжение, находится в конце моего списка дел, где-то между пунктами «выщипать

ресницы пинцетом» и «затеять драку с пьяным Сантой в метро». – Я все еще держала дверь открытой, но меня трясло. Я не могла перестать думать о Ронане Блэке. О том, как его болезнь, должно быть, ударила по Кэти и Лори. О мамином письме, в котором она просила оставаться сострадательной. Наверняка она не это имела в виду.

– Я тебя уволю, – обыденно произнес Чейз, не теряя ни секунды.

– Я подам на тебя в суд, – с той же небрежностью возразила я, не подавая виду, что была на грани истерики из-за его угрозы. Мне нравилась моя работа. К тому же он чертовски хорошо знал, что я живу от зарплаты до зарплаты и не перенесу даже кратковременной безработицы.

Неудивительно, что его фамилия Блэк[4 - Блэк (англ. Black) – в переводе на русский «черный»]. Его черное сердце идеально сочеталось с ней.

– У вас туго с деньгами, мисс Голдблум? – изогнув бровь, спросил Чейз убийственным голосом.

– Ты знаешь ответ. – Я оскалилась. Квартира на Манхэттене, какой бы маленькой она ни была, стоила целое состояние.

– Прекрасно. Сделай мне одолжение, и я возьму тебе потраченное время и усилия. – Он за секунду сменил личину плохого копа на хорошего.

– Кровавые деньги, – заметила я.

Он пожал плечами, всем своим видом показывая, что устал от моих выходок.

– Кровавые? Нет. Возможно, есть лишь несколько царапин.

– Предлагаешь мне плату за партнерство? – я проигнорировала пульсирующий тик в веке. – Для этого есть отдельное слово. Проституция.

– Я не плачу за то, чтобы ты спала со мной.

– Тебе и не нужно. По глупости уже делала это бесплатно.

– Не слышал, чтобы ты тогда жаловалась. Послушай, Мэд...

– Чейз. – Я передразнила его предупредительный тон, ненавидя то, что он использовал для меня свое прозвище – не Мэдди, не Мэдс, а просто Мэд – и что от этого у меня в животе до сих пор копошились бабочки.

– Мы оба знаем, что ты согласишься, – объяснил он с едва завуалированным раздражением, присущим взрослому, который объясняет малышу, почему тому следует принять лекарство. – Избавь нас от этого танго. Уже поздно, завтра у меня собрание совета директоров, и я уверен, что ты умираешь от желания рассказать своим подружкам о маленьком свидании со Скуби-тупом.

– Правда? – передразнила я, мой взгляд уже готовился испепелить Чейза одной только силой отвращения. Не говоря уже о его последнем подколе. Просто Чейз оставался Чейзом, побив свой собственный мировой рекорд Гиннеса по степени придурковатости.

– Да. Потому что ты Мученица Мэдди, а это правильный поступок. Ты самоотверженная, внимательная и сострадательная. – Он перечислил эти черты как данность, будто они не казались ему такими уж положительными. Его взгляд скользнул с моего лица на стену позади меня, где я приколотла десятки квадратов тонкой ткани. Шифон, шелк и органза. Белые и кремовые материалы со всего мира, а также наброски свадебных платьев в карандаше. Я покачала головой, понимая, о чем он думает.

– Заканчивай с этим, ковбой. Я никогда не выйду за тебя замуж.

– Прекрасная новость для всех.

– В самом деле? А мне казалось, ты только что попросил меня стать твоей невестой.

– Фиктивной невестой. Я не прошу твоей руки.

– Тогда о чем ты просишь?

– О любезности не разбивать сердце моему отцу.

– Чейз...

– И если ты не придешь, Мэд, это его разрушит. – Он провел дрожащей рукой по своим локонам.

– Образуется снежный ком. – Я покачала головой. Мои пальцы будто танцевали, настолько сильно их понимала дрожь.

– Только не под моим присмотром. – Чейз выдержал мой взгляд, на его лице не дрогнул ни единый мускул. – Я не жажду твоего возвращения, Мэдисон, – сказал он, и по какой-то причине эти слова рассекли мою кожу и выпустили всю кровь. Всегда подозревала, что Чейз никогда по-настоящему не хотел меня, даже когда мы были вместе. Я была просто мячиком для снятия стресса, с которым он рассеянно играл, пока его мысли уносились куда-то в другое место. Я вспомнила, как чувствовала себя невидимкой, когда он смотрел на меня. Как он фыркал, глядя на мои причудливые платья. Бросал косые взгляды, заставляя чувствовать себя чуть менее привлекательной, чем цирковая обезьянка. – Я не хочу, чтобы мой отец покинул этот мир, когда в нем царит хаос. Мама. Кэти. Я. Все это слишком. Ты же понимаешь, правда?

Мама.

Больничная койка.

Разбросанные письма.

Мое опустошенное, ноющее сердце, которое так и не оправилось от потери.

Я чувствовала, как моя решимость рушится трещина за трещиной, пока, наконец, слой льда, которым я себя окутала, впустив Чейза в квартиру, не упал с беззвучным лязгом, напоминая воина, который сбросил свои доспехи. Блэк помнил наш разговор несколько месяцев назад, тогда я поведала, как моя мать умерла в том же месяце, когда отец подал заявление о банкротстве их бизнеса, цветочного магазинчика Iris's Golden Blooms, и я провалила семестр. Она покинула мир в тревоге и беспокойстве за своих близких.

Тот факт, что мама не ушла безмятежно, до сих пор терзал меня каждую ночь.

Не имело значения, что я окончила школу с отличием и даже получила частичную стипендию для обучения в колледже или что папа снова встал на ноги, после чего наш цветочный магазин стал приносить прибыль. Всегда казалось, что Айрис Голдблум застряла в подвешенном состоянии того адского периода нашей жизни, вечно ожидая, сможем ли мы выкарабкаться.

Как бы я ни ненавидела Чейза Блэка за его поступок по отношению ко мне, я не собиралась навлекать на его семью еще одно бедствие в виде отмененной помолвки. Но и играть по его правилам я тоже не собиралась.

– Где, по мнению твоей семьи, я пропадала последние шесть месяцев? Разве им не казалось странным, что меня нет рядом?

Чейз невозмутимо пожал плечами.

– Я руковожу компанией, которая богаче некоторых стран. Родителям говорил, что мы видимся по вечерам.

– И они на это купились?

Он сверкнул зловещей улыбкой. Разумеется, купились. Чейз обладал жуткой способностью внушать беспокойство новоиспеченной невесте.

– Ладно, – проворчала я. – Что будет, когда мы в итоге расстанемся?

– Предоставь это мне.

– Уверен, что все продумал? – План казался ужасным. Готовый материал для романтической комедии по одному из кабельных каналов. Но я знала, что Чейз серьезный человек. Он уверенно кивнул.

– Мама с сестрой будут разочарованы, но их это не сломит. Отец желает мне счастья. Более того – я хочу, чтобы он тоже был счастлив. Любой ценой.

С такой логикой я поспорить не могла, и, честно говоря, это оказалось единственным, что даровало Чейзу превосходство надо мной. Мое сочувствие

его ситуации.

– Я приеду в эти выходные, но на этом все и закончится. – Я подняла указательный палец в знак предупреждения. – Одни выходные, Чейз. Потом можешь говорить им, что я занята. И что бы ни случилось, вся эта абракадабра с помолвкой будет держаться в строжайшем секрете. Не хочу, чтобы эта фикция укусила меня за зад на работе. Кстати, о ней: после того, как мы отменим нашу так называемую помолвку, я сохраню свою работу.

– Слово скаута. – Но он поднял только один палец. Если точнее, средний.

– Ты никогда не был в скаутах. – Я взглянула на него с прищуром.

– А тебя не кусали за зад. Это фигура речи. Нет, постой. – Его губы медленно растянулись в ухмылку. – Все же кусали.

Указав на дверь, я почувствовала, как шея и лицо залились румянцем, пока я вспоминала тот раз, когда меня действительно укусили за задницу.

– Вон.

Чейз засунул руку в задний карман. Ужас обвил мое горло сродни тугому шарфу, когда он вытащил маленькую бархатную шкатулку с эмблемой Black & Co. и бросил ее мне в руки.

– Я заеду за тобой в пятницу в шесть. Походный костюм обязателен. Практичная одежда – нет, но тем не менее чертовски приветствуется.

– Ненавижу тебя, – тихо произнесла я, слова обжигали горло, а пальцы дрожали, сжимая бархатную коробочку с золотистыми буквами. И это правда. Я в самом деле его ненавидела. Но я согласилась ради Ронана, Лори и Кэти, а не ради Чейза. Что делало мое решение более приемлемым.

Чейз сочувственно мне улыбнулся.

– Ты хороший ребенок, Мэд.

Ребенок. Вечно снисходителен. Да пошел он.

Блэк направился к двери, остановившись в нескольких дюймах от меня. Он хмуро посмотрел на выброшенную банку из-под газировки возле моих ног.

– Возможно, тебе стоит это убрать. – Он указал на брызги колы на стене. Затем поднял руку и провел большим пальцем по моему лбу, точно там, куда меня поцеловал Итан, стирая его прикосновение с моего тела. – На людях не должно быть грязи, особенно на невесте Чейза Блэка.

Глава 3

Мэдди

10 августа, 2002

Дорогая Мэдди,

Интересный факт: цветок ландыша имеет библейское значение. Он возник из слез Евы, оплакивавшей свое изгнание из Эдема. Ландыш считается одним из самых роскошных и неуловимых цветков в природе, настоящим фаворитом королевских невест!

А еще он смертельно ядовит.

Не все красивые вещи идут тебе на пользу. Мне жаль, что вы с Райаном расстались. Как бы то ни было, он никогда не был тем самым. Ты заслуживаешь всего мира. Никогда не соглашайся на меньшее.

С любовью (и небольшим облегчением),

мама. Х

* * *

Я планировала день своей свадьбы с тех пор, как мне исполнилось пять.

Папа любил рассказывать историю о том, как накануне первого школьного дня я бегала за Джейкобом Келли по нашему глухому переулку, сжимая букет цветов, сорванных на заднем дворе, с корнями и комками грязи, крича, чтобы он вернулся и женился на мне. В конце концов, после долгих уговоров я добились своего. Джейкоб выглядел потрясенным и собой и мной, пока мои подруги Лайла и Тара послушно проводили церемонию. Он отказался целовать невесту – что меня более чем устраивало – и решил провести наш медовый месяц за бросанием сосновых шишек в белок, скачущих по забору заднего двора, и жалуясь, что больше не осталось знаменитого вишневого пирога моей мамы.

На церемонии с Джейкобом Келли я не остановилась. К одиннадцати годам я уже побывала замужем за Тейлором Киршнером, Майло Лопезом, Астоном Джудисом, Джошем Пейном и Луисом Хью. Все они по-прежнему жили в том же городке в Пенсильвании, где я выросла, и продолжали присылать мне рождественские открытки, будто смеялись над тем, что я до сих пор не замужем.

И дело не в романтике. Мальчики меня интересовали лишь из-за болезненного любопытства к тому, что делало их такими неприличными, грубыми и склонными к туалетным шуткам. Все затевалось из-за свадебной части, которую я очень любила. Бабочки в животе, праздничная атмосфера, гости, торт, цветы. И прежде всего – платье.

Фальшивые церемонии давали мне повод надеть белое пышное платье, которое моя кузина Коралина подарила мне, когда выходила замуж. На ее церемонии я исполняла роль девочки с цветами. И потом втискивалась в этот наряд еще пять лет подряд, пока не стало ясно, что платье уже не подходит подростку, даже такому комично низкому, как я.

С тех пор я помешалась на свадебных нарядах. Буквально стала ими одержима. Я умоляла родителей брать меня с собой на свадебные торжества. Доходило до того, что я пробиралась на чужие церемонии в местной церкви, чтобы полюбоваться платьями. Благодаря маме-флористу моя одержимость усугубилась. Она часто брала меня с собой на доставки свадебных цветов в

различные роскошные места.

Стать дизайнером свадебных платьев казалось призванием, а не выбором профессии. В день свадьбы вы становитесь самой красивой и безупречной версией себя. Фактически это единственный день в вашей жизни, когда все, что вы решите надеть, независимо от того, насколько это дорого, экстравагантно или роскошно, не подвергнется критике. Люди часто спрашивали, не чувствую ли я скованность, ограничиваясь созданием нарядов одного типа. Честно говоря, не понимаю, почему некоторые дизайнеры предпочитают работать над повседневной одеждой. Создание свадебных платьев – профессиональный эквивалент ежедневного наслаждения десертом на завтрак, обед и ужин. Сродни возможности получить разом все свои рождественские подарки.

Может, поэтому я всегда уходила с работы последней. Гасила свет и целовала на прощание свой текущий набросок. Но только не в эту пятницу.

В этот раз у меня появились планы.

– Я пошла. Всем счастливых выходных! – Я надела ярко-розовые туфли-лодочки и выключила свет над чертежным столом.

Мой уголок в студии – мое маленькое убежище. Он создан исключительно для удовлетворения моих потребностей. На чертежном столе разложены серебряные канцелярские подносы, которые я наполняла карандашами, ластиками забавной формы, маркерами, кистями и углем. Я взяла за правило каждую неделю ставить на рабочий стол вазу со свежими цветами. Это напоминало о присутствии мамы и что она присматривает за мной с небес.

Я немного погладила букет – смесь лаванды и белых соцветий, – меняя им воду перед выходными.

– Будьте умницами, – пригрозила я им пальцем. – Мисс Магда позаботится о вас, пока меня не будет. Не смотрите на меня так, – предупредила я. – В понедельник уже вернусь.

Тот, кто сказал, что у цветов нет лиц, очевидно, не видел, как они увядают. Обычно я забирала цветы домой и ставила их на подоконник, предоставляя им возможность наблюдать за прохожими и наслаждаться солнечными лучами

рядом с Дейзи, но на этих выходных я собиралась в Хэмптонс, чтобы сопровождать Сатану, а Дейзи ночевала у Лайлы.

– Снова разговариваешь со своими растениями. Круто. Совершенно не безумно, – услышала я бормотание с другого конца студии. Это Нина, моя коллега. Мы ровесницы, но она стажер. А еще она идеальна, точно супермодель. Изящная, как лебедь, с вздернутым носиком и цветом кожи как у куклы «Братц». Единственный ее минус заключался в том, что она сильно невзлюбила меня без всякой видимой на то причины, кроме моей способности дышать. В буквальном смысле она прозвала меня «Пожиратель кислорода».

– Пошевеливайся. – Нина махнула рукой, все еще не сводя глаз с монитора. – Если твои цветочки описаются, я сменю им подгузник. Лишь бы ты уже исчезла из поля моего зрения.

Выбрав короткий путь, я повернулась и направилась к лифтам. И столкнулась прямо со Свеном. Он уперся рукой в талию, наклонился и щелкнул мне по носу. Моему боссу и как бы другу немного за сорок, и он предпочитал облачаться в черное с головы до ног. Его волосы настолько шокирующе блондинистые, что выглядят белоснежными, а глаза такие светлые, что казалось, будто можно смотреть прямо сквозь них. Он извечно наводил лоск и покачивал бедрами при ходьбе, как Сэм Смит. В качестве главы Croquis, компании по пошиву свадебных платьев, состоявшей в партнерстве с Black & Co. и реализующей свои линии исключительно в их магазинах, он руководил делами и присутствовал на встречах с советом директоров. Свен взял меня под свое крыло, когда я только окончила художественную школу, и устроил меня на стажировку, которая превратилась в постоянную работу. И четыре года спустя я даже не могу представить, что буду работать на кого-то еще.

– Куда направляешься? – Свен склонил голову.

Я закинула сумку на плечо и пошла к лифтам.

– Домой. Куда же еще?

– Лорд[5 - Лорд (англ. «Lorde»; настоящее имя Элла Мари?я Лани? Йе?лич-О'Ко?ннор) – новозеландская певица, автор песен и музыкальный продюсер.], дай мне сил. Слава небесам, что проектируешь ты лучше, чем врешь. – Он имел в

виду певицу, а не Всемогущего творца. Свен перекрестился, следуя за мной, его шведский акцент повышал интонацию на последних слогах. Его иностранный акцент пропадал, когда он волновался или был пьян. – Ты никогда не уходишь вовремя. Что происходит?

Мой взгляд вспыхнул. Проболтался ли Чейз? Они со Свеном знали друг друга и часто присутствовали на одних и тех же собраниях. Я бы не удивилась. Я бы уже ничему не удивилась, кроме развязывания Третьей мировой войны. Чейза пугали обязательства. Война может длиться месяцы, а то и годы. Ему бы не хватило выносливости, чтобы довести ее до конца.

Я остановилась возле лифта, нажала кнопку и засунула в рот две подушечки жвачки.

– Ничего не происходит. Почему спрашиваешь?

Свен склонил голову набок, словно, если он будет смотреть на меня достаточно долго, секрет сам собой сорвется с моих губ.

– У тебя все хорошо?

Я пронзительно рассмеялась. Мы со Свеном близки, но все же придерживались рабочей этики. Мне бы хотелось думать, что не будь он моим боссом, мы, вероятно, стали бы лучшими друзьями. Но мы оба понимали, что на данный момент есть границы и определенные вещи, которые не стоит обсуждать.

– Лучше не бывает.

Кто-нибудь, вытащите меня отсюда.

Зазвенел лифт. Свен скользнул вперед, преграждая мне путь.

– Это из-за... него?

У меня чуть челюсть не упала на пол.

– «Он» может хоть тысячу раз сгореть в аду, и я бы не плюнула на него, чтобы потушить огонь, – прошипела я. – Не могу поверить, что ты о нем заговорил.

Получай я пенни всякий раз, когда Свен заставлял меня в слезах из-за Чейза на кухне, на рабочем месте, в туалете или где-то еще в офисе, мне бы не пришлось здесь работать. Или вообще работать, если уж на то пошло. Я даже не знала почему. За те шесть месяцев наших отношений я лишь несколько раз виделась с семьей Чейза. Правда, я так и не встретилась с семьей его брузена (брата-кузена), хотя они были близки. Он не знакомился с моей семьей – только с Лайлой и, очевидно, со Свеном. Все было не так серьезно, как кажется.

– Жестокие слова. Что натворил этот бедняга? Вы встречаетесь всего три недели. – Свен постучал по губам, нахмутив брови. – Еще раз, как там его зовут? Генри? Эрик? Я помню что-то чисто американское и благозвучное.

Итан. Разумеется, он имел в виду Итана. Мое сердце замедлило ход почти до полной остановки. Кризис предотвращен. Двери лифта закрылись, и я, нахмурившись, стрельнула взглядом в Свена, нажимая кнопку, дабы снова его вызвать. Лифт уже уехал вниз. Черт.

– Терпение – добродетель, – заметила я.

– Или явный признак того, что он играет за другую команду. – Свен поправил воротник моей голубой узорчатой блузки. – Личный опыт, сестренка. В старшей школе у меня была девушка Вера. Ее добродетель оставалась нетронутой до тех пор, пока она не уехала в колледж в Штатах, где, вероятно, вся добродетель была истерзана сворой парней из братства, чтобы наверстать упущенное.

– Бедная Вера. – Я лизнула большой палец и стерла следы кофе с уголков его губ.

– Бедный я. – Свен шлепнул мою руку. – Я так увяз в попытках стать тем человеком, которого, как я думал, хотели видеть во мне родители, что полностью упустил свои разгульные годы. Не позволяй этому случиться с тобой, Мэдди. Иди и будь той распутницей, какой мы все жаждем быть.

– Ты проецируешь, – поморщилась я.

– А ты многое упускаешь, – возразил он, ткнув меня в грудь. – Прошли месяцы с тех пор, как вы с Чейзом расстались. Пора двигаться дальше. На самом деле двигаться дальше.

– Я двигалась. То есть двигаюсь. – Я три раза подряд нажала кнопку лифта. Щелк, щелк, щелк.

– О, смотри, сообщение от Лайлы. – Свен поднес телефон к моему лицу. Да, забыла упомянуть, что, поскольку мы со Свеном не могли стать лучшими друзьями, моя лучшая подруга фактически заняла эту нишу. Что действительно нарушило мой баланс между работой и личной жизнью, и я бы солгала, скажи, что временами меня это не беспокоило. Прямо как сейчас. – Позволь мне прочитать: «Скажи своей сотруднице, что эти выходные она должна провести с пользой для себя. Заставь ее повеселиться. Совершать ошибки. Переспать с мужчиной мечты».

– Я не... – начала я, но Свен качнул головой, развернулся, махнул рукой и не спеша вернулся в студию, где склонился над плечом Нины, глядя, над чем она работала. Двери лифта открылись. Я вошла, покачивая головой.

– Только через мой труп.

* * *

За полчаса до того, как Чейз планировал забрать меня, я постучала в дверь Лайлы. Она открыла, заправляя выбившуюся прядь изумрудно-зеленых волос за ухо, держа на руках брыкающегося, кричащего четырехлетнего ребенка в состоянии истерики. Лайла – фигуристая девушка, чьи формы кричали «единственные-ямочки-есть-у-меня-на-заднице-и-мне-это-нравится», с самым завидным гардеробом, состоящим из платьев в стиле бохо, струящихся юбок и вязаных свитеров с открытыми плечами. Она, казалось, не возражала против крика ребенка, грозящего разорвать барабанные перепонки. Карманные деньги, должно быть, того стоят.

– А вот и наша Мученица Мэдди, – любовно прощепетала Лайла, обнимая меня одной рукой. Я еще не сменила рабочую форму. Голубая блуза с рисунком вишни в сочетании с серой юбкой-карандашом и розовыми туфлями. – Разве ты не

должна быть сейчас со своим бывшим парнем?

– Просто зашла, чтобы оставить ключи.

Ладно. Это наглая ложь. У Лайлы имелся запасной комплект на случай непредвиденных обстоятельств. Мне просто хотелось поговорить с ней перед отъездом.

– Спасибо, что присмотришь за Дейзи. Обычно я выгуливаю ее трижды в день, минимум по двадцать минут. Ей нравится парк Абингдон-сквер. В частности, там она гоняется за белкой по имени Фрэнк и лает на других собак. Просто следи, чтобы она не выбегала на дорогу. В сумке с едой есть мерная ложка – одну даешь утром, одну вечером. Ее витамины лежат в ящике для посуды, в желтой пачке. Не беспокойся о частой смене воды. Она все равно пьет из унитаза. О, и не оставляй ничего на кухонном острове. Она найдет способ добраться до еды.

– Напоминает меня после ночной гулянки. – Лайла ухмыльнулась. – Фрэнк, да? Между ними все серьезно?

– К несчастью для него, да. – Я поморщилась. Я узнавала Фрэнка по лысине между глаз. Дейзи обожала эту белку, поэтому, конечно же, я подкармливала ее каждый раз, когда мы шли в парк.

– Также в знак протеста она может помочиться тебе в туфли, когда поймет, что меня нет, – добавила я.

– Боже, она хуже ребенка. Твой бывший сделал все, чтобы ты никогда не забыла его прощальный подарок.

Я пожала плечами.

– И все же это лучше, чем Х-Л-А-М-И-Д-И-Я.

– Я знаю, как это пишется. – Малыш высунул язык, заставив нас обоих недоверчиво посмотреть на него.

– Спасибо, за мной должок, – сказала я.

– Не за что.

Малыш теперь дергал Лайлу за волосы, выкрикивая имя своей матери.

– Земля вызывает Мученицу Мэдди, ты здесь? Я спросила, прочитал ли Свен тебе мое сообщение, – сказала Лайла, не обращая внимания на клубок суматохи в своих руках. Я ненавидела это прозвище. Еще мне не нравилось, как я продолжала оправдывать его тем, что никогда не отказывала людям, когда они просили об одолжении. Первое доказательство: посещение моей липовой помолвки в Хэмптонсе в эти выходные.

– Ага. – Я изобразила веселую улыбку. – Прости, я задумалась. Он прочитал. Ты ненормальная.

– А ты выглядишь так, будто находишься в камере смертников.

– И чувствую себя так же.

– Мне жаль, милая. Понимаю, как это опустошительно, когда великолепный, хорошо воспитанный миллиардер увозит тебя на выходные в Хэмптонс, надев тебе на палец обручальное кольцо за четыреста пятьдесят тысяч баксов. Но ты это переживешь.

Прошу занести в протокол, что это не я проводила расследование о стоимости кольца. Это все Лайла, вооружившись бутылкой вина (ладно, напиток «Солнце Капри»), в ту же минуту, когда Чейз покинул наш дом. Я вызвала ее на срочное совещание, во время которого она просматривала ювелирный раздел сайта Black & Co. и пришла к выводу, что это помолвочное кольцо выпущено ограниченным тиражом и больше не продается.

– Ты же понимаешь, что это значит. – Затем она поиграла бровями, налила рюмку водки в чашку и добавила в нее «Солнце Капри». Меня бы сразу вырубил.

– Да. Он хочет убедиться, что его семья считает помолвку настоящей. Вот и все.

Теперь я все же пыталась заглушить ее оптимизм доброй порцией реальности.

– Seriously, я предпочитаю воспринимать это как похищение неверным, лживым, высокомерным куском де... – И тут я взглянула на ребенка с вытаращенными глазами, который замолчал, ожидая, пока я закончу предложение. Я прочистила горло. – Деревенской овцы.

– Она сказала грубое слово. – Он указал на меня пухлым пальчиком.

– Нет, я сказала «овцы», – запротестовала я. У меня завязался спор с четырехлетним ребенком. Узнай об этом Итан, у него бы уже случился сердечный приступ.

– Ой. – Задумавшись, малыш выпятил нижнюю губу. – Я люблю овечек.

– Видимо, нам не нравится конкретно эта, Тимоти. – Лайла погладила его по головке. И прикрыла дверь на полдюйма. – Можешь пообещать мне одну вещь?

– А должна ли? – надулась я. Мне известно, что она хочет настроить меня на позитивный и оптимистичный лад.

– Постарайся извлечь из этого максимум пользы. Вместо того чтобы думать о том, с кем ты собираешься проводить время, подумай лучше о том, как его проведешь. Как будешь есть деликатесы из моллюсков и потягивать вино, которое превышает стоимость твоей ежемесячной арендной платы, в особняке за сто пятьдесят миллионов долларов, расположенном на улице миллиардеров. Захвати с собой альбом для набросков. Сделай эту поездку своей сучкой.

– Плохое слово! – Тимоти снова оживился.

– Я сказала «своей сумочкой». Твоей маме наверняка нравятся красивые сумки.

– Угу, нравятся.

Я любила свою лучшую подругу, но она была образцовым примером для детей, как я – банкой супа. Она даже не хотела их (детей, не суп. Лайла любит суп). Тем не менее в ее словах есть доля смысла. Я собиралась отпраздновать фиктивную помолвку с мужчиной из моих ночных кошмаров, но планировала сделать это красиво. Перед расставанием мы с Чейзом провели Рождество в его поместье в

Хэмптонсе. Это то место, которое можно увидеть только на платном канале HGTV или на страницах знаменитостей в социальных сетях. Проблема в том, что Лайла избегала обязательств. Провести время с мужчиной, разбившим ей сердце, никогда не вызовет проблем, поскольку ее сердце никогда не будет разбито.

– Знаешь что? Ты права. Так я и поступлю. Дай пять, Тимоти. – Я с улыбкой предложила малышу свою раскрытую ладонь. Он смотрел на меня пустым, неподвижным взглядом.

– Мама говорит не позволять незнакомцам прикасаться к себе. Меня могут похитить.

Нет, если похититель знает, на что способны твои легкие.

– Ну, тогда решено. Ты будешь веселиться и не станешь анализировать каждый момент, позволив себе окунуться в роскошь стада ненавистников, не привязываясь к ним.

– Эй! Ты сказала... – начал Тимоти.

– Стадо. Я сказала «стадо». Спасибо, что заглянула на мою лекцию. – Лайла захлопнула дверь у меня перед носом, прежде чем я успела по-настоящему поплакаться о предстоящих выходных.

Именно тогда я заметила ее слово дня.

День рождения: годовщина рождения человека, которая обычно воспринимается как повод для празднования и вручения подарков.

Чейз изменил мне в свой день рождения.

И тут мое настроение снова испортилось.

* * *

Чейз опоздал на пять минут. Намеренно, без сомнения. Пунктуальность всегда входила в список его сильных сторон. Но если бы выведение меня из себя стало олимпийским видом спорта, у него бы уже имелось множество золотых медалей, контракт на публикацию книги и скандал со стероидами.

Он припарковался во втором ряду перед моим домом, заблокировав движение с небрежностью психопата, которому на самом деле все равно, что о нем думают другие люди.

Затем вышел, обогнул машину и, не говоря ни слова, вырвал чемодан из моих рук и забросил его в багажник. Люди сигналили и трясли кулаками, высовывая головы из машин позади нас, выкрикивая свое мнение о хреновых навыках вождения Чейза и желая ему серьезных травм в различных творческих формах. Он скользнул обратно в машину и не торопясь пристегнулся. Я все еще была прикована к обжигающему бордюру, пытаюсь смириться с идеей, что мне предстоит провести с ним выходные. Чейз опустил пассажирское окно, одарив меня той едва терпеливой улыбкой, прибереженной для сотрудников, которая заставляла вас чувствовать себя настолько глупо, что вам хотелось носить каску в помещении.

– Страх перед публикой, любимая? – он произнес слово «любимая» так, будто это ругательство.

Мне пришлось напомнить себе, что его психологические игры не имеют значения. Ронан Блэк имел значение. Сестра и мать Чейза имели значение. Их сердца. И моя совесть.

– Конечно, – с сарказмом выдавила я. – Не хотелось бы, чтобы родственники моего фиктивного жениха думали, будто их фальшивая будущая невестка не так очаровательна, как они считали изначально.

– Когда-нибудь слышала выражение «Притворяйся, пока не добьешься своего»?

– Уверена, женщинам в твоей жизни это знакомо, – язвительно заметила я.

Он криво усмехнулся.

– Может, наши отношения и были притворством, но оргазмы точно нет.

Машины позади него громко и без остановки сигналили. Звук начал эхом отдаваться в моей голове. Я хотела, чтобы Чейз знал – я не собираюсь становиться той, кто безропотно повинуетя и удовлетворяет все его прихоти и идеи, даже если я согласилась помочь.

– Садись, Мэд. Если, конечно, не хочешь, чтобы я подрался с половиной улицы.

– Звучит заманчиво, – отрезала я. И это правда.

Он ухмыльнулся, совершенно не обращая внимания на хаос, кишачий позади него, поскольку все больше недовольных водителей начинали сигналить. Не в моем стиле заставлять людей ждать, но отстаивание своей точки зрения важнее вежливости. Чейз должен понимать, что я настроена серьезно.

– Если нервничаешь, просто представь, что все голые.

– Ладно, – сказала я, пока мой взгляд скользил ниже по его телу, насколько возможно под таким углом. – Вам не холодно, мистер Блэк?

Он рассмеялся, наслаждаясь нашим обменом колкостями.

– Не припоминаю, чтобы ты была такой дерзкой.

– А я не припоминаю, чтобы ты был таким невыносимым, – парировала я. И поняла, что сказала правду. Когда мы встречались, он казался куда более вежливым и сдержанным, а я... ну, меньше походила на себя настоящую.

Я забралась в его машину, решив смотреть в окно на протяжении всей поездки, наблюдая, как многоэтажки Манхэттена проскальзывают мимо, словно в замедленной съемке. Точно быстрое перелистывание страниц журнала, пейзажи часто менялись, поблескивая сквозь фильтр начищенных до скрипа окон. Вся истерия, которую мне каким-то образом удалось запихнуть под груды ежедневных дел и работы в течение недели, вскипела с новой силой, стоило нам только покинуть город. Как мне скрыть свое отвращение к этому человеку? Я не могла ни поцеловать его, ни взять за руку. Господи, я только что осознала, что

нам придется делить комнату. Ни за что.

Мне и без того было сложно объяснить ситуацию Итану спустя пару дней после того, как я согласилась на это фиаско. Я изложила ему всю подноготную, включая измену Чейза, его умирающего отца и мой собственный опыт потери матери. Затем рассказала о прозвище, которым меня окрестили Свен и Лайла. Мученица Мэдди.

– Ты уверен, что не против? – в миллионный раз спросила я Итана за трапезой с сяолунбао[6 - Сяолунбао – небольшие китайские булочки, приготовленные на пару.] и китайским пивом. Я наступала осторожно. Понимая, насколько безумно это все звучит. Мы с Итаном никогда не обсуждали серьезность наших отношений. Мы встречались время от времени, но не спали, не говоря уже о том, чтобы навешивать ярлыки на происходящее между нами. Мы обменялись несколькими небрежными поцелуями, не более того. Но мне хотелось услышать от него твердое заявление, что ему не нравится эта идея. Что послужило бы идеальной отговоркой. Но Итан, предпочитавший замечать во всех только хорошее – включая, как я подозревала, и серийных убийц, – просто кивнул, схватил еще одну булочку палочкой для еды и забросил ее в рот.

– Уверен? Более чем. Я горжусь тем, что встречаюсь с кем-то вроде тебя. Единственное, что докажут эти выходные в Хэмптонсе, это то, что ты, – он указал на меня палочками, – удивительный человек. Чейз Блэк оказался дураком, изменив тебе, а ты до сих пор ему помогаешь. Ты потрясающая.

Я наблюдала за ним, ожидая подвоха.

– Кроме того, у нас ведь пока не серьезные отношения, да? – он потер затылок и покраснел. – Мы даже не... ну, ты знаешь.

Да, я все понимала.

– Так что, – он пожал плечами, – я не в том положении... то есть хочу сказать, что все в порядке. Правда.

Почему-то его реакция меня обеспокоила. Я хотела, чтобы его хоть немного расстроила перспектива того, что я проведу выходные со своим бывшим парнем. Что совершенно иррационально, поскольку я вообще не испытывала к Итану

собственнических порывов, к тому же он прав – ничего серьезного.

Возвращаясь к реальности. Чейз словно прочитал мои мысли.

– У него есть имя? – он вырвал меня из задумчивости, не сводя глаз с пробки, к которой мы приближались. Казалось, весь мир направлялся в Хэмптонс. Затор из грузовиков, «Приусов» и кабриолетов, застрявших в бесконечной очереди.

– Не начинай, – предупредила я.

Чейз фыркнул.

– Какая чувствительная. Я бы тоже обиделся, окажись мой партнер достаточно глуп, чтобы отправить меня на выходные в Хэмптонс с тем, кто ранее трахал меня, доводя до трех оргазмов подряд менее чем за двадцать минут.

– Это еще не предел твоей самоуверенности? – повернувшись, я одарила его хмурым взглядом.

– Разумеется, мне только нужно надеть презерватив.

Признаю, наше расставание принесло мне некоторое облегчение. Даже спустя полгода отношений я волновалась, что ляпну глупость при нем, и ругала себя. Рядом с ним я всегда говорила более высоким голосом, тщательно обдумывала каждую фразу и мысль, хотела казаться той женщиной, с которой, как я думала, Чейз Блэк станет встречаться. Он казался настолько далеким, но вместо того, чтобы узнать его и получать наслаждение, я боялась совершить малейшую ошибку. Постоянно находила в себе недостатки. Недостаточно привлекательная, недостаточно стильная, недостаточно умная. Ненавидеть его намного проще, чем пытаться проложить путь к его горькому сердцу.

– Итак. Его имя. – Чейз вернулся к обсуждаемой теме.

– Как это касается тебя? – я принялась сцарапывать лак с ногтей, дабы удержаться и не придушить Чейза собственными руками.

– Мне следует знать, с кем спит моя невеста, – совершенно обыденно произнес он. Я оставила лак в покое, потянула за кутикулу и начала дергать омертвевшую кожу, пока та не оторвалась.

– Фиктивная невеста, – поправила я.

– И настоящая заноза в заднице.

– Боже, Чейз, и почему ты одинок? Ты же просто самый очаровательный мужчина, которого я когда-либо встречала.

– Я сам выбрал такую жизнь, – парировал он, покровительственно улыбаясь. – Точно так же, как ты выбрала встречаться с кем угодно, лишь бы не оставаться одной.

Ауч. Салон наполнила неловкая тишина. Я не имела ничего против подшучиваний, но когда мы начинали говорить правду, это было уже слишком. Не то чтобы я встречалась с кем попало, но во мне укрепилась уверенность, что Чейз действительно верил в то, что произнес. И я решила подыграть. Скрывать мне нечего. Я гордилась Итаном.

– Итан. Итан Гудман[7 - Гудман (англ. Goodman) – в дословном переводе на русский «хороший человек».]

– Гудман, – повторил Чейз, тихо присвистнув.

– Прекрасно, Чейз. Я и не знала, что в твоём лексиконе есть такое слово. Каково оно на вкус?

– Как два или три ребенка, удушающая ипотека на ненавистный дом в Уэстчестере и кризис среднего возраста в форме легкого злоупотребления алкоголем к сорока годам. – Он по-прежнему пристально следил за дорогой. – Чем Итан Гудман зарабатывает на жизнь?

– Он врач. – Я ответила обобщенно, чувствуя, как щеки заливаются краской.

– Хм-м. Думаю исключить пластического хирурга на том основании, что это слишком сексуально – да и вообще любого хирурга; он не похож на человека с твердой рукой – останавлиюсь на дантисте. – Чейз сделал паузу, хмуро глядя на ряд машин перед собой. – Нет. Слишком прибыльно. Я передумал. Итан Гудман – педиатр. – Он повернул голову, ослепляя меня такой зловещей ухмылкой, что я физически ощутила, как она лижет мою кожу.

– Говоришь так, будто это плохо. – Я прищурилась. – Он спасает жизни.

– Частная практика. – Он проигнорировал меня, снова попав в самую точку. – Технически, заполняет диаграммы роста почерком, который никто не может разобрать, и исследует сыпь на ягодицах. Дай угадаю, он даже отправился в другую страну, чтобы отдать долг обществу. Понять перспективу. Южная Америка? Азия? Нет... – Он снова сделал паузу, ухмыляясь так широко, что мне захотелось ему врезать. – Африка. Он придерживается клише.

– Да, клише в виде спасения жизней и помощи другим. – Серьезно, мое лицо настолько разгорячилось, что я чуть не взорвалась. – Он хороший человек.

– Безусловно. Это же заложено в его чертовой фамилии. И ты здесь, потому что у Итана, хорошего человека, есть некие проблемы с обязательствами.

– Прошу прощения?

– Зачем еще ему мириться с нашим соглашением? Он хочет посмотреть, чем у нас все закончится.

– У нас с тобой ничего нет. Мы с Итаном познакомились на сайте [SeriousSinglesOnly.com](#)[8 - [SeriousSinglesOnly](#) – в переводе на русский «только серьезные одиночки».], – не удержалась я и тут же пожалела о своем решении. Я не собиралась это афишировать, но Чейзу пора узнать, что он ошибается, по крайней мере в одном. То есть очевидно, что само его существование пестрит ошибками на многих уровнях, но я говорила конкретно об Итане.

– Вы могли познакомиться на сайте [WillMarryAnyoneForABlowJob.com](#)[9 - [WillMarryAnyoneForABlowJob](#) – в переводе на русский «женюсь на ком угодно ради минета».], и я бы все равно думал так же. Он предан тебе не больше, чем ты мне, и вы двое навязываете друг другу это дерьмо, хотя между вами нет

никакой химии, и все потому, что ты не хочешь оставаться одна. Решил сказать сразу. Поблагодаришь меня позже.

– Ну, ты и трепло, – пробормотала я, возвращаясь к уничтожению лака на ногтях. Это отвратительная привычка, от которой я пыталась избавиться, но желание испортить его драгоценную «Теслу» небольшими кусочками лака розового оттенка под названием «Марокканские ночи» была непреодолимой.

– Я могу не только болтать, – пробормотал он.

– Как бы ни было заманчиво, нет, спасибо.

Я отвернулась обратно к окну, дабы в спокойствии наблюдать за пассажирами соседних машин, пытаюсь снизить пульс до нормального уровня. Я думала, мы закончили разговор. Во всяком случае, хотела в это верить. А затем...

– Надеюсь, ты не возражаешь против пятидесяти лет миссионерской позы при выключенном свете, ежедневного поедания овсяных хлопьев на завтрак, и что клички ваших домашних животных будут даны в честь дрянных знаменитостей реалити-шоу, которых боготворят ваши дети. – Чейз продолжал доставать меня. Мне хотелось, чтобы душа покинула тело и вылетела в окно, но я не доверяла ему, зная, что Блэк сотворит что-нибудь нечестивое с телом, которое останется в салоне.

Я приложила руку к сердцу, изображая шок.

– Ужас перед достойной, спокойной жизнью с честным человеком, домашними животными и детьми будет преследовать меня вечно. Прошу, хватит.

Он бросил на меня косой взгляд.

– Сарказм тебе к лицу.

Я ждала очередной нападки. Чейз не разочаровал.

– К сожалению, это единственная вещь, не придающая тебе нелепый вид.

– Ты можешь просто заткнуться? Достаточно того, что ты вынудил меня приехать сюда. Не утруждай себя непрошеными комментариями о моем стиле и не анализируй мои нынешние отношения. Мне просто нужен кто-то милый и нормальный.

Трудно признаться даже самой себе, что теперь я еще больше нервничала по поводу секса с Итаном. Если он не собирается сорвать с меня одежду и прижать к стене с шипами в БДСМ-подземелье, я буду разочарована, основываясь исключительно на том, что Чейз оказался прав практически во всем остальном, что касалось моего парня.

«Нет, – упрекнула я себя. – Итан не сомневается в наших отношениях». Мы встречались целых три недели и до сих пор не переспали. Очевидно, он настраивался на долгую перспективу.

Боковым зрением я видела, как Чейз, посмеиваясь, качает головой.

– Ты не хочешь того, чего хотят нормальные люди, Мэд.

– Ты не знаешь, чего я хочу.

Салон заполнила новая волна тишины. Моя душа билась головой о приборную панель в футуристическом стиле. Почему я испытывала привязанность к незнакомым людям? Почему решила, что это хорошая идея? Но я никогда не могла удержаться от свершения маленьких добрых дел. Вот почему я не бросалась на Нину за издевательства над мной. Знала, что работу стажера в сфере моды найти непросто, поэтому терпела ее ежедневные оскорбления. Я всегда держала в сумочке плитку шоколада на случай, если кто-нибудь упадет в обморок в метро и им понадобится сахар, дабы повысить кровяное давление. Эту черту я унаследовала от Айрис Голдблум.

– Дружеское напоминание – ты должна притворяться, что я тебе нравлюсь, – отрезал Чейз спустя некоторое время, постукивая по рулю своими идеально длинными пальцами. Я закрыла глаза и втянула носом воздух.

– Знаю.

– Убедительно.

– Я умею быть убедительной.

– Спорно. Могут потребоваться прикосновения. Легкие похлопывания в нестратегических зонах и так далее. – Его взгляд все еще был устремлен на дорогу.

– Ты в своем уме? – прошипела я.

– Сейчас да, поэтому ты здесь. В результате нам придется изображать влюбленную пару.

– Мы справимся. Теперь ты можешь, пожалуйста, помолчать? Я оказываю тебе услугу. Огромную. Не заставляй меня об этом пожалеть, – наконец рявкнула я, чувствуя себя в опасной близости от того, чтобы развалиться на части. Мое лицо горело, глаза слезились, и казалось, будто кто-то ударил меня по носу.

К моему удивлению, Чейз послушался.

Мы пронеслись мимо Лонг-Айленда, тихое жужжание «Теслы» было единственным фоновым шумом, сопровождающим поездку. Я закрыла глаза, чувствуя, как в горле встал ком.

Я мечтала о передышке. Чтобы Чейз отступил и позволил мне собрать мою расшатанную самооценку и потрепанные мысли. Мечтала получить знак, что мой поступок окажется правильным, а не разрушительным для моего сердца и его семьи.

Но больше всего мне хотелось убежать. Как можно дальше, где Чейз не смог бы вновь схватить мое сердце своими ядовитыми когтями и сожрать его.

Видите ли, у меня есть секрет, которым я ни с кем не делилась. Даже с Лайлой.

Иногда по ночам я чувствовала, что острые, как лезвия, когти Чейза скользят по моему сердцу. Я все еще его не забыла. Не совсем. Я даже не думала, что это любовь – в личности Чейза не было ничего привлекательного.

И все же я была одержима.

Поглощена им.

Полностью очарована.

Беспокоило то, что я прекрасно знала – миссионер Итан отнесется к моему сердцу добрее, чем Чейз, предпочитавший позу обратной наездницы.

Глава 4

Чейз

Знаете, на что я в первую очередь обратил внимание в Мэдисон Голдблум, когда столкнулся с ней в лифте офиса Croquis? На ее прекрасные карие глаза.

Ладно. Хорошо. На ее сиськи. Засудите меня за это.

Для всех остальных, вероятно, ничего примечательного в них не было. Всегда скромно прикрыты практичной, отвратительной на вид белой водолазкой с рисунком в виде отпечатков губной помады. Но, черт возьми, ее буфера казались такими дерзкими – торчащие и округлые, – что я не мог не заметить, как идеально они подходили моим ладоням.

Чтобы в этом убедиться, сначала мне следовало пообедать и выпить с ней. Поскольку природа практически сама подталкивала меня к Мэд, в тот же вечер я повел ее в один из лучших ресторанов Манхэттена и не скупился ни на деньги, ни на комплименты ради исследования соотношения размера ладоней и груди.

(Увенчавшееся успехом. Наука, детка. Никогда не подводила.)

Мэдисон невысокого роста, что можно отнести к ее преимуществам, поскольку я ненавижу людей, и чем меньше они занимают пространства, тем лучше. Увы, этот конкретный человек стал моей «медовой ловушкой»[10 - Медовая ловушка –

вовлечение жертвы, обладающей нужной информацией (или же имеющей к ней доступ), в близкие отношения с подосланной женщиной (или мужчиной) – с целью получения ценных сведений.]. Она оказалась веселой, милосердной, и, говоря о своих увлечениях, у нее перехватывало дыхание. Не упускала возможности поворковать с детьми, погладить собак и даже заглянуть в глаза незнакомцам в метро. Она была невероятно живой в том смысле, который для меня непривычен и не входил в мою зону комфорта.

Касаемо ее одежды... часть меня хотела сорвать ее, потому что наряды выглядели ужасающе, и в этом не было сексуального подтекста.

Происходящее между нами не должно было выходить за рамки обычной интрижки. Мысль о том, что ее срок уже превышает неделю, даже не приходила мне в голову. Мои отношения обычно соответствовали сроку годности пакетов молока. За тридцать один год жизни до встречи с Мэдисон у меня была только одна девушка, и все закончилось фарсом, напомнившим мне, что люди, как сама концепция, испорчены и непредсказуемы, и, несмотря на неизбежность столкновения, их следует держать на расстоянии.

Затем появилась Мэдисон Голдблум, и пух! У меня появилась вторая в жизни девушка. С технической точки зрения, она этот статус не получила. Она его украла.

Мы с Мэд отправились на первое свидание в вечер нашего знакомства (правило «не встречаться с сотрудниками» не действовало, так как технически мы не работали в одной компании). У нее были очень большие, невероятно каре-зелено-какие-то-там-глаза, окаймленные темными и золотыми веснушками, стрижка пикси, которая придавала ей драматический, «я-медленно-украду-твое-сердце-если-не-будешь-осторожен» взгляд Дейзи Бьюкенен[11 - Дейзи Бьюкенен – вымышленный персонаж романа Ф. Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби».], а губы такие полные и мягкие, что я замирал при каждом их движении.

Что происходило всякий раз, как она говорила.

Что было чертовски часто.

После того как я переспал с Мэд на первом свидании, мы временами переписывались. Она заявила, что обычно не запрыгивает в постель к первому

встречному и хотела бы не торопить события. Что, конечно же, почти сразу пробудило во мне желание снова с ней переспать. Что я и сделал. После трех дней переписки она выбросила свои правила в окно и начала играть по моим. Прежде чем я это осознал, мы договорились на совместные ужины, перетекающие в секс. Такая договоренность действовала на протяжении недели. Оглядываясь назад, могу сказать, что это большой срок. Всеу винной сиськи и тот факт, что под ее действительно ужасной (не могу это не подчеркнуть) одеждой она носила сексуальные сорочки и соответствующее нижнее белье.

Возможно, я не совсем безгрешен в вопросе заданного тона нашей продолжительной интрижки. В какой-то момент я допустил стратегическую ошибку. Логичным исходом стало то, что Мэдисон получила доступ в мою квартиру. Держать Мэд ближе к себе оказалось удобно, тем более что постоянные поездки к ней действовали мне на нервы. И я, без малейших сомнений, решил дать ей запасной ключ. У моей домработницы и личной помощницы тоже они были, что не грозило мне женитьбой ни на одной из них. На самом деле, я менял помощниц так же часто, как нижнее белье.

И просто для ясности скажу, что я крайне чистоплотный человек.

Что касается того, что я иногда водил Мэдисон в кино – я искренне хотел посмотреть все, на что мы ходили. Подайте на меня в суд за то, что я фанат Гильермо дель Торо и Тарантино. В кинотеатре мы не обнимались и даже не делились попкорном (во время сеанса она высыпала пакетик «M&M'S» в ведерко из-под попкорна – первый признак того, что женщина выросла в диких условиях).

Мне потребовалось пять месяцев, чтобы узнать, что я состою в отношениях. Мэд сама указала мне на сей факт. Прибегнув к хитрому, очаровательному способу. Мало чем отличаясь от Заботливого Медведя[12 - Заботливые Медведи (англ. Care Bears) – разноцветные мишки, впервые нарисованные иллюстратором Еленой Кучарик в 1981 году для поздравительных открыток компании «American Greetings». В дальнейшем стали персонажами многосерийного мультфильма с одноименным названием.] с мясницким ножом. Мэд упомянула, что ее отец через неделю приедет в город, и спросила, не хочу ли я с ним встретиться.

– Зачем мне это? – спросил я тогда. В самом деле, черт возьми, зачем? Ее ответ заставил виски попасть не в то горло. Тот самый шотландский односолодовый

виски, который я потягивал на вечеринке у друга, куда пригласил Мэд, но не потому что мы встречались, а потому, что так было менее хлопотно, чем добираться до нее после завершения вечера.

– Ну, затем, что ты мой парень. – Она невинно захлопала ресницами, покачивая свой космо-коктейль, будто являлась туристкой, пытающейся прожить свою лучшую жизнь Кэрри Брэдшоу[13 - Кэрри Брэдшоу – главная героиня телесериала «Секс в большом городе».]

(Заметка для себя: она и есть туристка. Мэд выросла в Пенсильвании. Мне следовало проверить, могу ли я депортировать ее туда, хотя на данном этапе прошло уже более четырнадцати рабочих дней.)

Именно в момент «познакомься-с-моим-папой» я осознал, что больше ни с кем не спал с тех пор, как встретил Мэдисон, и у меня не возникало ни малейшего желания делать это в ближайшем будущем (не вагина, а кукла Вуду). И что мы регулярно разговаривали по телефону (даже когда технически нам нечего было сказать друг другу). Постоянно занимались сексом (достаточно сказать, что я прилагался к члену). И что я, не задумываясь, планировал выходные, учитывая присутствие Мэд (опять же – я прилагался к члену).

Дополнительным фактором послужило то, что я привез ее к родителям на Рождество. Так и начались наши серьезные отношения, совсем далекие от статуса интрижки.

Точнее, так они обрушились на меня и воспламенились, водрузив всю мою жизненную философию на костер. Теперь я оказался официально занят, и у меня появилась девушка; два пункта, которые я обещал себе никогда больше не повторять. Поэтому я сделал то, что должен был, дабы убрать Мэдисон Голдблум из моей жизни. Избавился от нее как от пластыря, раз и навсегда.

Я думал, между нами все кончено.

Из лучших побуждений.

Я хотел покончить с этой маленькой болтливой женщиной, ходячим сексом в ужасных туфлях, которая считала, что носить нижние юбки в двадцать шесть лет – это очаровательно, а не безумно.

Потом мой отец бросил горящий крученный мяч мне в руки, вынуждая делать то, чего я поклялся больше не повторять – проводить время с Мэдисон.

– Вы здесь! – мама набросилась на лобовое стекло, словно разъяренный кенгуру, когда я припарковал «Теслу» возле особняка в Хэмптонсе. Мэдисон рядом со мной резко пробудилась. Она похлопала себя по подбородку, желая убедиться, что у нее не текут слюни – хотя они текли, – и выпрямилась, поправляя жемчужную повязку на голове.

Вместо того чтобы дать ей немного времени на сборы, я сделал то, что сделал бы любой первоклассный придурок: распахнул дверцу и обогнул машину, чтобы обнять маму.

– Как ситуация на дорогах? – мамины ногти с французским маникюром впились мне в плечи. Она осыпала меня поцелуями, едва скрывая нетерпеливые взгляды, направленные на автомобиль. Дрожа от едва сдерживаемого волнения.

– Сносно.

– Надеюсь, Мэдисон не расстроилась из-за пробок.

– Она обожает стоять в пробках. Это ее любимое хобби.

Сразу после заманивания невинных мужчин в ловушку отношений.

В любом случае, с каких это пор Мэдисон стала выше таких тривиальных неудобств, как пробки? Вот что бывает, когда никого не приводишь домой. Первая так называемая партнерша, и мои родители относятся к ней как ко второму пришествию Иисуса.

Я открыл дверцу Мэдисон, помогая ей выбраться из машины, но на самом деле толкая ее прямоком в объятия реальности. Она одернула юбку-карандаш, пытаясь появиться изящно.

Мама схватила Мэдисон, как профессиональный полузащитник, прижав ее к машине. Стоит отметить, Мэд почти убедительно сыграла роль счастливой невесты. Что означало – она была неловкой, но не превзошла свой привычный

уровень отсутствия грации. После радостных визгов мама принялась разглядывать кольцо со всех сторон, охая и ахая, словно впервые в жизни видела бриллиант. Эта красивая вещица входила в эксклюзивную линию Black & Co. Я попросил самую неприлично дорогую универсальную модель. Что-то кричащее о том, что жених богат, но ничего не говорившее о будущей невесте. Что-то идеальное для нас обоих.

– Надеюсь, вы не возражаете, что мероприятие будет скромным. У нас было не так много времени на подготовку с тех пор, как Ронан... – Мама замолчала, извиняясь перед Мэдисон.

Та почти истерически замотала головой.

– Нет-нет. Я все понимаю. Сам факт того, что вы что-то подготовили, учитывая обстоятельства... ох... – Она огляделась. – Потрясающе, правда.

– Не волнуйся. Ты по-прежнему будешь королевой бала. – Я похлопал Мэдисон по плечу, глядя на нее с нежностью ножа для масла. Да, возможно, я посмотрел несколько фильмов на канале Hallmark во время занятия на беговой дорожке, чтобы лучше сыграть любящего жениха. Честно говоря, кардио – единственная причина, не позволявшая заснуть во время передоза этой чушью.

– Ты слишком милый. – Мэдисон положила руку поверх моей, сжав ее в надежде сломать мне несколько костей.

Я сдержал ухмылку.

– По отношению к тебе – никогда.

– О, перестань. – Мэдисон натянуто улыбнулась. – Seriously, – подчеркнула она.

Мама с наслаждением любовалась нашими, как ей казалось, отношениями и хлопнула в ладоши.

– Вы только посмотрите на них!

Хоть игра Мэдисон была не столь плоха, чтобы все испортить, она все же недотягивала до Оскара за роль любящей невесты. Она опускала голову всякий раз, когда ей задавали вопрос, на который приходилось отвечать ложью. Ее румяные щеки напоминали свеклу, и я подумал, что ее голова вот-вот взорвется. И Мэд смотрела на меня с вежливым фальшивым энтузиазмом, будто я представлял собой пример неприглядного макаронного искусства, сотворенного особо рассеянным ребенком.

– Кэти умирает от желания увидеть тебя, и, кажется, ты еще не знакома с Джулианом, старшим братом Чейза, и его женой Эмбер. Они не смогли приехать на прошлое Рождество. Праздновали с семьей Эмбер в Висконсине, – не унималась мама, хватая Мэдисон за руку и уводя ее в дом спустя десять мучительных минут. – Клементина, их дочь, такая прелестная, как персик.

– Звучит фруктово, – пискнула Мэд, и мама увела ее прочь, более не удостоив меня ни единым взглядом.

Звучит фруктово. Она на самом деле так сказала. И в какой-то момент я находился в этой женщине. О чем, черт возьми, я только думал?

Два работника в форме материализовались у входа и бросились нести чемодан Мэдисон. Я направил их в нашу общую комнату – да, мы будем жить вместе, – взглянув на гольф-кар возле «Теслы». У меня закралась мысль сразу отправиться на поле для гольфа, чтобы нарушить идиллию Джулиана и отца, но потом я передумал. Я же не какой-то истеричный подросток, умоляющий обратить на него внимание. К тому же мне нужно подняться наверх и поработать с Мэдисон. Подготовить к знакомству с остальными членами семьи Блэк.

Мой отец обладал сверхъестественной способностью распознавать откровенную ложь и успешно анализировать ситуации в динамике. Не сомневаюсь, что он обрушится на меня прямо посреди праздника, если заметит, что моя невеста мечтает зарубить меня ножом для стейка. Да, определенно. Вся эта хрень с Джулианом могла подождать. Мы все равно не собирались рвать друг другу глотку на глазах у отца.

С неохотой я направился в нашу комнату в левом крыле особняка. В части дома, предназначенной для ближайших родственников. Джулиан с семьей останавливались в правом. Официальная причина заключалась в том, что им

требовалось больше места. Еще три года назад я бы на это купился. Но не сейчас. Теперь Джулиан чувствовал себя изгоем во всех отношениях.

Я обнаружил Мэдисон за бессмысленной болтовней с Кэти и мамой в нашей комнате. Эмбер, вероятно, принимала пенную ванну где-то в особняке, пробуя новейшие средства по уходу за кожей. Кровь коалы, или черепаший дерьмо, или что там еще она размазывала по лицу, желая выглядеть моложе. Дамы моей семьи все еще по очереди держали руку Мэдисон в заложниках, воркуя над помолвочным кольцом, словно это младенец. Прочистив горло, я вошел внутрь и обнял ее за плечи.

Жест для меня непривычный и не сказать что приятный. Раньше я никогда этого не делал, даже когда мы встречались. Я и не замечал, какие аккуратные, узкие плечи у Мэдисон. Вес всей моей руки на ней ощущался неправильно. У других мужчин, очевидно, партнерши были крупнее Мэд, иначе они бы их уже похоронили. Для меня оставалось загадкой – как мне удавалось быть сверху на этой девушке несколько раз в неделю. Сейчас она выглядела такой хрупкой, стоя рядом со мной. Я решил не водружать всю тяжесть своей руки на ее плечи, в результате чего моя ладонь как бы повисла в воздухе в дюйме от ее тела. Что было неудобно, но Мэдисон казалась такой крошечной.

Столь крошечной, что даже не могла считаться целым человеком.

Технически у меня в руках только половина бывшей девушки.

Просто признай уже, что у тебя была девушка, ты, полный кусок дерьма.

– Я как раз спрашивала Мэдди, почему мы так долго ее не видели. – Кэти повернулась ко мне, теребя жемчуг на шее.

Она была довольно высокой, с длинными темными волосами и безупречной фигурой, которую любила подчеркивать элегантными платьями. Кэти из тех, кто предпочитает не выделяться и занимать как можно меньше места. Полная противоположность маленькой болтливой Мэдисон, чья кожа имела оливковый оттенок.

– Ты хотела сказать, что допрашивала с пристрастием, – поправил я. Мне не хотелось, чтобы моя фиктивная невеста подвергалась излишнему допросу. Ее

умение врать так же ужасно, как и чувство стиля. Кэти заметно отшатнулась, оскорбленная моим выпадом, и я тут же почувствовал себя придурком. Несмотря на всю мою неприязнь к романтическим отношениям, в кругу семьи меня считали порядочным человеком.

– Спасибо, Чейз. Я сама могу о себе позаботиться. – Мэдисон натянуто улыбнулась.

Что может понадобиться рядом с тем асексуальным дураком, с которым ты встречаешься.

– Ты права, милая. Я не понаслышке знаю, как хорошо ты умеешь заботиться о себе. – Я многозначительно приподнял бровь, имея в виду арсенал секс-игрушек, который однажды обнаружил в ее кухонном ящике, когда искал ложку для кофе. («Я экономлю пространство, ясно? – кричала она. – Это всего лишь студия!») Как я и предполагал, Мэдисон мгновенно залилась краской.

– Забота о себе важна. – Она обратила взгляд к потолку, видимо, пытаясь не сгореть окончательно.

– Воистину, сестра. – Кэти вздохнула, наши намеки пролетели мимо нее. – Я думаю вернуться к терапии теперь, когда мы узнали о папе.

Испуг на лице Мэд сменился печалью, когда ее взгляд вновь обратился к Кэти.

– Ох, дорогая. – Мэдисон дотронулась до ладони моей сестры. – Ты должна делать все возможное, чтобы поддерживать наилучшее расположение духа. Думаю, это отличная идея.

– Ты ходила на терапию? Во время?.. После?.. – с надеждой спросила Кэти. Моя сестра немного старше Мэдисон и в то же время в десять раз наивнее. Я списывал это на гиперопеку в сочетании с роскошью никогда не знать настоящих трудностей.

– Ну, я не могла себе этого позволить. – Мэдисон сморщила нос, отчего Кэти от ужаса выпучила глаза. Ага. Она забыла, что психиатры – привилегия, которая не всем по карману. – Но у меня был мой отец. Да и вообще, много родных, так

что... – Моя фиктивная невеста пожала плечами.

Повисла неловкая пауза, во время которой Кэти, наверное, хотелось умереть, мне кого-нибудь прикончить, а Мэдисон... кто, черт возьми, разберет, что она чувствовала в этот момент?

– Что ж, – мама хлопнула в ладоши с веселой улыбкой, вырывая нас из задумчивости, – оставим вас, влюбленные голубки, в покое, чтобы вы могли обустроить свое гнездышко. В десять у нас поздний ужин. Ничего формального, просто поужинаем и поболтаем. Будем рады вашему присутствию, если вы не слишком устали.

Мама в последний раз сжала руку Мэдисон, прежде чем выпроводить мою сестру из комнаты и закрыть за собой дверь.

Я убрал руку с плеч Мэд, и в то же время она повернулась, со всей силы наступив мне на ногу. Потребовалась секунда, чтобы осознать, что ее нога стоит на моей. Она практически ничего не весила. Вся тяжесть заключалась в ткани и аксессуарах, которые она, вероятно, нашла на распродаже.

– Мы не будем жить в одной комнате. – Она наставила палец на мое лицо. Я слегка ослабил галстук, неторопливо пробираясь в гардеробную, в которой меня ждал полноценный набор костюмов, подходящих для всех сезонов. Я знал, что она последует за мной.

– Перепроверь факты, Мэдисон, потому что все выглядит так, что будем.

– В этом доме около трехсот комнат. – Она шла за мной по пятам, размахивая рукой.

– Двенадцать, – поправил я, открывая ящик с часами. «Ролекс» или «Картье»? Правильный ответ – те, что легче, на случай, если снова придется обнимать Мэд за плечи. Я знал, что придется, хотя бы ради того, чтобы притвориться перед моим стариком, будто я от нее без ума, и прикосновения, к сожалению, являлись частью представления. Если, увидев Мэдисон, он будет хоть наполовину так же счастлив, как мама и Кэти, место на небесах мне обеспечено.

Боже, надеюсь, сегодня подают выпивку.

– Все еще достаточно, чтобы я могла спать отдельно. – Боковым зрением я заметил, как Мэдисон уперлась бедром в полки. Узкая талия. Широкие бедра. Вовсе не так непропорционально, как у семьи клонов из реалити-шоу. Она потрясающе женственная. Все в ней такое нежное, миниатюрное и округлое. Интересно, ценит ли это доктор Паинька?

– Почему два влюбленных голубка вроде нас должны спать в разных комнатах? – Я задвинул ящик и принялся раздеваться. Уверен, Мэд в состоянии отвернуться, если моя частичная нагота каким-то образом ее оскорбит. Не то чтобы у меня было что-то, чего она раньше не видела. Вблизи.

– По множеству причин, – сказала она, затаив дыхание и щелкнув пальцами. – Целомудрие. Давай представим, что я берегу себя для брака.

– Дорогая, когда мы останавливались здесь на прошлое Рождество, ты воспевала свои песни в кладовой, джакузи, трех спальнях и у бассейна. Твое целомудрие не вернуть даже с помощью карты, компаса и GPS.

– Они нас слышали? – глаза Мэд расширились, и она снова покраснела. Следует признать, румянец ей к лицу. У нее пухлые щечки и мягкая линия подбородка. Даже жаль, что она сумела обмануть меня, когда я отвлекся.

– Да, моя семья нас слышала. И жители Мэна тоже.

– Боже мой.

– Так-так, мы отпраздновали день рождения Иисуса, но всю грязную работу сделал я.

– Не помню, чтобы ты жаловался.

– Было бы немного затруднительно, учитывая, что мой рот располагался между твоих ног.

Она шлепнула меня по голой груди, затем развернулась и принялась расхаживать взад-вперед. Мэдисон сцепила пальцы за шеей, пока я продолжал раздеваться до трусов, старательно напрягая каждый мускул своего тела. Тщеславие мне не чуждо (по правде говоря, как и большинство других вещей).

– Я не собираюсь делить с тобой постель. – Мэд покачала головой. Остановилась. И указала на пол. – Добро пожаловать на коврик.

Сопrotивляясь желанию спросить ее, не имеет ли она в виду еще один раунд у нее между ног, я склонил голову.

– Не уверен, что ты в курсе, Мэд, но два человека вполне могут спать в одной постели, не занимаясь сексом. История фиксировала множество подобных случаев.

– Только не когда речь идет о тебе. – Она бросила на меня злобный взгляд, не обращая внимания на мой обнаженный вид. Справедливое замечание. Я не привык к тому, что она командовала мной или вообще отказывала мне. Когда мы встречались, Мэдисон плыла по течению и плясала под мою дудку.

Сейчас она определенно вела себя по-другому, и я не понимал, как мне реагировать.

Я уже собирался выдвинуть еще один контраргумент, когда Мэд раскрыла чемодан и принялась разбрасывать одежду по комнате. Та приземлялась на пол ворохом узорчатых тканей. Идеально для разжигания костра.

– Ты не переубедишь меня, Чейз, так что предлагаю тебе просто удобно устроиться на полу с подушкой и одеялом. Я без колебаний вернусь домой, если ты не собираешься уважать мои границы.

– И на какой же машине?

– Если понадобится, вызову такси. Не испытывай меня, Чейз. Я не твой пленник.

– Я тоже им не был, – пробормотал я.

– Прости? – она вскинула голову.

– Забавно, не думал, что тебя это заботит.

– Что именно?

– Соблюдение границ.

– Когда я не уважала твои границы? – ее глаза были раскрыты так широко, что я мог видеть в них свое отражение.

Когда ты сделала меня своим парнем без моего согласия.

Даже не произнося этого вслух, я слышал, насколько жалко звучал. Я мог разорвать отношения с Мэдисон в любой момент. Но решил остаться. Своим принципам я предпочел ее превосходные кулинарные способности, великолепный секс и возможность удалить приложения для знакомств.

И я же решил все испортить.

Сделал грубый расчет. Подумал, что изменю ей, она уйдет, потом вернется (они все так делали), и мы перейдем к более непринужденным отношениям без обязательств. Я не конченная свинья. Я бы перевез ее в более приятное место, купил бы ей красивые наряды. Просто у меня не было желания остепениться. Меня смущал сам термин. Остепениться. Дать добровольное согласие. Можно согласиться на уродливую машину, дабы убедиться, что она достаточно безопасна для вашей семьи. Согласиться на скучное свидание, чтобы потрахаться в конце вечера. Но когда дело касается твоего гребаного существования, об этом и речи быть не может.

Но дело в том, что Мэд так и не вернулась. Она вспылила, порвала со мной и ушла навсегда. Правда, в конце концов прислала мне подарок на день рождения в виде пакета с шариками шерсти Дейзи и ее последнего счета от ветеринара (который, да будет вам известно, будучи честным игроком, я оплатил). И я до сих пор помню записку, которая прилагалась к счету.

Чейз,

Я стерилизовала Дейзи. Думаю, мы оба можем согласиться – то, что происходит от тебя, никогда не должно размножаться. Оплати счет при первой же возможности.

Мэдисон

Возвращаясь к реальности – в нашей общей комнате, – я почувствовал, как напряженно сжал челюсть. И ответил Мэдисон сквозь стиснутые зубы:

– Отлично. Если так боишься, что ночью будешь тереться задницей о мой пах, я поплю на полу.

– Спасибо. – Ее губы скривились. Я понял, что она боролась с улыбкой. Но с чего бы ей улыбаться? И тут я заметил, что мои уши горят. Мне удалось сдержать желание прикоснуться к ним. Я не покраснел. Это факт. Я никогда не краснел.

– Перестань пялиться на меня. – Я прищурился, накинув полотенце на плечо.

– Перестань указывать на меня. – Сдерживая улыбку, она вновь принялась выкидывать из чемодана свои жуткие наряды. Указывать на нее? Она сошла с ума?

Я опустил взгляд.

Ох.

Ох.

Я отвернулся, поправляя трусы от «Армани». Черт, черт, черт.

– Понимаю, – вздохнула она у меня за спиной. – Сразу ясно, о чем ты думаешь, раз тело реагирует подобным образом.

Я произнес что-то вслух? Да что со мной не так, черт возьми?

– Иди, приведи себя в презентабельный вид, – пробормотал я, уходя в душ, прежде чем у меня появились еще какие-нибудь женские причуды. Снова покраснеть или, быть может, упасть в обморок у нее на руках. – И ради бога, надень что-нибудь без узоров.

* * *

Она облачилась в узорчатый наряд с головы до ног.

Ее черные туфли украшали маленькие белые крестики, платье имело цветочный принт, а на голове виднелась клетчатая повязка. Мэд сделала с волосами то, что мне чертовски нравилось. Ее челка оставалась прямой, но остальные короткие волосы небрежными волнистыми локонами, подобно водопаду, ниспадали на лицо и шею.

Ее стиль напомнил мне ее квартиру. Полнейший цветной беспорядок, похожий на последствия взрыва пиньяты[14 - Пиньята – мексиканская полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги с орнаментом и украшениями. Выполняется в форме животных или геометрических фигур и наполняется различными угощениями или сюрпризами для детей.], полной подержанной мебели и неудачных дизайнерских решений. Я бы не назвал Мэд скрягой как таковой, но квартира не выглядела симпатичной. Возможно, Мэдисон Голдблум была самым сентиментальным человеком на планете Земля. Она собирала все, включая – но не ограничиваясь этим – цветочные горшки, обрывки тканей, эскизы, открытки, свадебные приглашения, резинки для волос, туристические безделушки, манекен в форме пуделя, сделанный исключительно из пробок от винных бутылок, и даже терракотовую фигурку в форме принца для проращивания семян чиа.

Хаос. Хаос. Хаос.

Понятия не имею, что меня привлекало в этой девушке, кроме ее таланта оскорбить любого в радиусе двухсот миль. Она разрабатывала свадебные наряды для эксклюзивной свадебной компании, которая пользовалась успехом. Я

это точно знал – их проекты продавались как горячие пирожки; вот почему мы с ними состояли в партнерстве. Свен говорил, что Мэдисон его самый ценный сотрудник. Когда мы встречались, я не подвергал это сомнению.

Хотя следовало бы.

Мэд спустилась по лестнице, в то время как остальные уже сидели в столовой. Персонал начал подавать еду, как только она скользнула на место рядом со мной, улыбаясь всем и приветственно махнув рукой.

– Извините, не знала, что все ждали меня.

Мэдисон умела быть застенчивой тихоней в глазах остального мира и маленькой нимфой в спальне. Ногой я придвинул ее стул к себе так, чтобы наши руки и ноги соприкасались. Он шумно скользнул по мраморному полу, вызывая хихиканье у всех присутствующих.

– Он уже по тебе соскучился. Это так мило. – Кэти приложила руку к груди, ее голос охрип от волнения. С губ Мэдисон сорвался истеричный, нервный смех. Я молча стиснул зубы.

Не облажайся, Голдблум.

– Жареный поросенок с фермы Мекокс в китайском соусе, пирог с беконом, салат из капусты с пахтой, зеленый лук на подушке из палочек претцель, – объяснила одна из прислуги Мэдисон, указывая на различные блюда на столе. Если говорить о десятичасовом перекусе, то это был настоящий пир. Родители не сумели сдержаться. Меня раздражало, что предстоит сообщить маме и Кэти, что мы с Мэдисон не вместе. Хотя мне не придется с этим разбираться до тех пор, пока отец... пока отца...

Мне не хватило сил завершить предложение.

Мой отец умирал, и я ничем не мог ему помочь. Я привык решать проблемы с помощью денег; мысль о том, что я беззащитен перед чем-то настолько глубоким, способным изменить мою жизнь самым радикальным образом, вызывала во мне иррациональную злость.

Мэдисон улыбалась и послушно кивала, где это было уместно. Она наклонилась к длинному столу, обращаясь к моему отцу, который сидел во главе, выглядя меньше, чем он был до того, как мы узнали о болезни.

– Большое спасибо за приглашение, мистер Блэк.

– Ну, я действительно не знаю, сколько времени у меня есть, дабы узнать тебя получше. – Он наградил ее одной из своих редких настоящих улыбок. Мэд сглотнула. – Должно быть, у вас с Чейзом действительно сильная связь. Брак – это важное решение после менее чем года совместной жизни, а ваши напряженные графики работы так и не позволили нам узнать тебя поближе.

Мне стало немного жаль Мэдисон. Моя семья прибегла к перекрестному допросу, и все, казалось, исполняли роль плохого копа.

– Могу ли я просто сказать, как мне жаль, что вы... ну, что вы... – начала Мэд.

– Умираю? – Он сухо закончил фразу за нее. – Да, милая, я тоже не очень этому рад.

Она покраснела, опустив взгляд на колени.

– Простите. В такие моменты мне не хватает слов.

– Это не твоя вина. – Он сделал глоток виски, его движения были медленными и размеренными. Он – старшая версия меня, с копной седых волос, внушительным телосложением и холодными глазами. – Сомневаюсь, что кто-то способен завязать разговор с умирающим о его состоянии. По крайней мере, я спокоен, что Чейзу есть на кого положиться. Знаешь, он не такой крутой, каким всегда кажется. – Отец выгнул бровь.

– А еще он, черт побери, тоже здесь, – я указал на свою голову, зная, что мое раздражение покажется ему забавным, – и участвует в этом разговоре.

– Поверьте, я знаю, что у Чейза есть уязвимая сторона. – Мэдисон похлопала меня по плечу, продолжая улыбаться моему отцу. Очевидная насмешка надо мной. Один – ноль в пользу команды гостей.

– Уязвимая – небольшое преувеличение, – добродушно улыбнулся я.

– Значит, нежная? – она резко повернула голову, награждая меня яркой улыбкой.

Два – ноль.

– Чувствительная – вот слово, которое ты ищешь. – Джулиан цокнул языком, демонстрируя свою ухмылку Чеширского кота, в то время как мама фыркнула и рассмеялась. – Рад знакомству. Я Джулиан.

Он протянул руку через стол. Мэд пожала ее. А меня поразило внезапное желание перевернуть стол вверх дном.

– Чувствительный. – Мэд попробовала это слово на вкус, улыбаясь моему кузену. – Мне нравится. Он как дикобраз из «Недели акул».

Кэти, мама, отец, Джулиан и Эмбер одновременно разразились смехом. Такой обычный семейный момент, что я даже не злился на Мэдисон за то, что она высмеивала меня, или на Джулиана за то, что он существовал. Первый подобный миг с тех пор, как мы узнали о папе, и впервые за много лет я увидел, что Джулиан выглядит довольным.

Все приступили к трапезе. Кроме Эмбер, но отказ от еды в пользу алкоголя для нее привычное дело. Мэд же съежилась в кресле, допивая свой бокал шампанского, словно это просто вода. Сначала я не обратил на ее поведение внимания. После завтрака я больше ничего не ел. Но когда спустя десять минут ее тарелка все еще была пуста, я раздраженно стиснул зубы.

– В чем дело? – прошипел я ей сбоку.

Еда прекрасна. Более чем. Ее приготовил кулинарный феномен, отмеченный звездой Мишлен, а не какой-то идиотский су-шеф, приехавший из Бруклина, дабы быстро подзаработать на выходных.

– Ни в чем, – сказала Мэд как раз в тот момент, когда ее желудок заурчал. То было вовсе не женское урчание. Звучало так, будто ее кишечник затеял драку с остальными органами.

Я наклонился к ней и коснулся губами уха, со стороны казалось, что мы ведем интимную беседу, не затрагивающую тему ее желудка, который издавал звуки Фредди Крюгера.

– Ты ужасная лгунья, а я нетерпеливый ублюдок. Выкладывай, Мэдисон.

– Я ничего не поняла из того, что мне говорила официантка, – прошептала она себе под нос, ее румянец снова заглянул в гости. – Кое-что я даже не узнаю. Прости, Чейз, но пирог с беконом звучит как нечто, что следует запретить во всех пятидесяти штатах.

Я поджал губы, сдерживая смех. Взяв ее тарелку, я принялся наполнять ее едой, зная, что это принесет мне дополнительные баллы в рядах фальшивых женихов. Мама тихо засияла, когда я поставил тарелку обратно перед Мэдисон, улыбнувшись ей, как я надеялся, с теплотой (вдохновение: Джесси Меткалф из фильма «Свадьба в стиле кантри»).

– Тебе это понравится... – Только не говори «милая». Не опускайся до такого клише. – Малышка.

Малышка? Могу ли я показаться еще большим придурком?

– Почему ты так уверен... – Она тоже колебалась, осознавая, что все взгляды устремлены на нее. – Дорогой?

Эмбер едва не выплюнула вино, рассмеявшись.

– Я знаю твой вкус.

– Сомнительно.

– Доверься мне, – процедил я сквозь фальшивую улыбку.

– Никогда, – прошептала она в ответ.

Тем не менее она взяла вилку и воткнула ее в обжаренную в сливках брюссельскую капусту, которую предварительно обваляли в панировочных

сухарях и травах. Прожевав, она закатила глаза. Последовавший за этим звук, вырвавшийся из ее горла, заставил мой член дернуться в знак признательности.

– Теперь я вижу свет. – Мэдисон вздохнула. Мне хотелось показать ей иные вещи. Ненадолго затащить на свою темную сторону, а затем выплюнуть обратно в ее солнечное существование.

– Итак. Мэдисон, – промурлыкала Эмбер с противоположной стороны стола, проводя длинным заостренным ногтем по бокалу с шампанским в комично-злой манере. Я напрягся. Эмбер, без сомнения, была самой опасной персоной этого вечера. – Как наш Чейз сделал тебе предложение?

Наш Чейз. Будто я чертова ваза. Она бы этого хотела.

У Эмбер были акриловые заостренные ногти, как у ведьм, наращенные волосы, которых хватило бы на три парика, накладные ресницы и декольте, не оставляющее пространства для фантазий. Самодовольство витало вокруг нее, подобно облаку парфюма. Она моего возраста – ей тридцать два года, – и увлечения Эмбер ограничивались пластической хирургией, очередным помешательством на тренировках и диетах, перед которыми лебезили знаменитости, и публичными спорами с мужем. Джулиан приобнял жену за плечи и заиграл бровями, словно говоря, что настало время шоу.

Приготовься к достойному Оскара выступлению, братишка.

– Как он сделал предложение? – повторила моя невеста, и ее улыбка натянулась сильнее, чем лоб Эмбер. Все взгляды были прикованы к Мэдисон. Я полагал, ей хотелось бы чего-то более романтического, чем история нашего знакомства. Однажды утром мы вошли в один и тот же лифт, тот самый, который делили Black & Co. и Croquis. И вместо того чтобы подняться на последний этаж нашей высотки – он же этаж правления, – я проскользнул с ней в студию Croquis, прислонился к ее чертежному столу и спросил, что мне нужно сделать, дабы залезть к ней в трусики, хотя и не так прямолинейно. Мэдисон допила свой второй бокал шампанского, затем опустила его и встретила взглядом с Эмбер.

– На самом деле момент был очень романтическим, – сказала она, затаив дыхание.

Она пьяна? Мне нужно, чтобы она оставалась трезвой. Мэд плавала среди акул, истекая кровью в этой гребаной воде. Нет, она просто снова превратилась в Новую Мэдди, которая собиралась порвать меня на части.

– Правда? – скептически прищурился Джулиан. Мне не нравился его взгляд, направленный на нее. Позвольте перефразировать: в последнее время Джул мне не нравился, и точка. Но особенно мне не по душе, как он посмотрел на Мэдисон. В обсидиановом оттенке его глаз таилось нечто злое. Я не собственник, но непременно пробую дыру в его лице, если он продолжит смотреть на мою фиктивную невесту так, словно не мог решить, хочет ли он заняться с ней сексом, высмеять ее социальное положение или и то, и другое.

– Да. – Мэд закусил губу, украдкой поглядывая на меня. Черт побери. – Мы прогуливались по набережной Бруклин-Хайтс, наслаждаясь романтическим видом...

– Чейз ездил в Бруклин? – Эмбер перебила ее, приподняв бровь с микроблейдингом[15 - Микроблейдинг – цветовая коррекция бровей.]. Ошибка новичка. Всем известно, что я не считаю частью города то, что находится к югу от Ист-Виллидж и к северу от Вашингтон-Хайтс. Черт, даже Инвуд для меня находился за границей.

Мэдисон издала звук «мм-хм», делая очередной глоток шампанского. Она выглядела как загнанный в ловушку зверек, испуганно забившийся в угол. Но помощь с моей стороны могла выглядеть подозрительно. Я чувствовал себя мамашей-черепахой, наблюдающей за тем, как ее шаткий детеныш ползет к океану, зная, что у него есть только пятипроцентный шанс на выживание.

Затем, о чудо, случилось Рождество в июле. Мэдисон прочистила горло, выпрямила спину и обрела голос.

– Я облокотилась на перила, любящая видами. И прежде чем успела сообразить, что происходит, Чейз встал передо мной на одно колено, потя и бормоча что-то невнятное. Я думала, у него припадок. Он так нервничал. Но потом он произнес милейшую вещь. Помнишь, что ты мне сказал, дорогой? – она повернулась ко мне с ангельским видом. Я коротко улыбнулся. Она жаждала услышать что-то вроде «Ты – любовь всей моей жизни, моя луна и звезды» или «Я не могу жить без тебя и, честно говоря, не вижу смысла пытаться» или даже вставьте любое

другое клише с канала Hallmark, которое я услышал во время своего исследования, вызвавшее у меня рвотный рефлекс.

– Конечно. – Я взял ее руку, поднес костяшки пальцев к губам и коснулся ими кожи. По ее рукам побежали мурашки, и я усмехнулся в тыльную сторону ее ладони, зная, что между нами все еще достаточно сексуального напряжения, чтобы взорвать весь этот особняк. – Я сказал, что у тебя горчичные усы, а затем вытер твоё прекрасное личико.

Улыбка Мэд погасла. Эмбер издала нервный смешок. Родители и Кэти улыбнулись. А Джулиан прищурился, его взгляд метался между нами.

– Продолжайте. – Он оперся подбородком на костяшки пальцев. Джулиан на десять лет старше вашего покорного слуги. Мужчина напоминал Сатурн. Высокий, окруженный кольцами жира, с блестящей залысиной, которую хотелось потереть, дабы проверить, не вылезет ли из его уха джинн.

Мэд наблюдала за нами, улавливая убийственные вибрации.

– Он помог мне вытереть, э-э, горчичные усы, а затем сказал, что изначально планировал подождать еще немного – год – это ничто, по большому счету, – но его любовь ко мне слишком велика. Что я для него весь мир. Кажется, там даже проскальзывало слово «одержимость». Он разразился потоком чувств. На самом деле, все произошло довольно неловко. – Она надела на мою ногу под столом, пресекая попытку бросить вызов ее рассказу. – До такой степени, что даже расплакался...

– Чейз? Плакал? – Заметно потрясенная, Эмбер сморщила нос. Все это зашло на шестьдесят девять шагов дальше положенного, и мне не терпелось затащить Мэдисон обратно в нашу комнату и отшлепать за каждую ложь, которую она выплюнула за ужином.

– Я бы скорее сказала, что он всхлипывал... – Мэдисон повернулась ко мне, снова хлопнула по руке тетушкиным жестом и бросила на меня взгляд, отчетливо говорящий: «три-ноль-в-пользу-команды-гостей». Я не мог возразить ее версии рассказа. По крайней мере, публично, когда мы должны изображать из себя влюбленную парочку. Однако позже собирался отомстить за эту маленькую выходку.

– Это было эмоционально, – заключил я, отхлебнув виски. – Хотя, по правде говоря, в основном мой взгляд затуманился из-за твоего коричнево-зеленого платья в клетку с голубыми точками, малышка. Было сложно его принять.

– Но, я полагаю, приятно снимать. – Джулиан дразнил меня, на его губах играла холодная улыбка.

Отец бросил приборы на тарелку, неторопливо откашлявшись. Джулиан поднял взгляд и отмахнулся от воцарившейся за столом атмосферы. Иногда его желание разозлить меня превозносилось над потребностью вести себя как нормальный человек. Недавнее нововведение, и мне оно не нравилось.

– Совершенно неуместно с моей стороны. Прошу прощения, Мэдисон. Братские подшучивания зашли слишком далеко.

Братские, как же. Я бы не доверил ему и пластиковую ложку.

– Пожалуйста, зовите меня Мэдди. – Она склонила голову.

– Мэдди, – повторил мой отец, откинувшись на спинку стула. Я сделал себе мысленную пометку напомнить Джулиану, что не прочь вышвырнуть его в открытое окно, если он будет сексуально домогаться моей фиктивной невесты.

– Должен признаться, у нас возникли сомнения, ведь мы не видели тебя с Рождества. Мы подумали, что Чейз, возможно, охладел, – сказал отец, пригвоздив меня взглядом.

– В этом человеке нет ничего холодного. – Мэдисон широко улыбнулась ему, ущипнув меня за щеку. Господи, я так рад, что все это закончится через пару дней. Эта женщина довела бы меня до алкоголизма. – Самый горячий мужчина, которого я встречала.

Она выпалила это, прежде чем поняла, что говорит. Я повернул голову и уставился на нее с самодовольной улыбкой. Ее щеки порозовели. Шея и уши последовали за ними.

– Спасибо, что выходишь замуж за этого дикаря. – Отец улыбнулся.

– Теперь вы мой должник, – пошутила она. Все рассмеялись. Снова.

Мы погрузились в приятную беседу, пока нам подавали еще больше блюд. Спустя полчаса Кэти выпрямилась и нахмурилась.

– Где Клементина? – она проткнула ягоду, плававшую в газировке, зубочисткой и забросила ее себе в рот. Я надеялся, что отсутствие алкоголя в ее стакане служило верным признаком того, что она вернулась к приему медикаментов. Обнадеживающее развитие событий. Тревожное расстройство Кэти отодвинуло все остальное в ее жизни на второй план, и хотя она отлично справлялась с маркетингом, я знал, что ей хочется встретить хорошего парня и завести семью. Обладая слабой психикой, она не могла себе этого позволить.

– Спит наверху. – Эмбер тряхнула платиновыми волосами, многозначительно встретившись со мной взглядом. – Ей даже не удалось увидеть своего любимого дядю.

– Увидит завтра, – резко ответил я.

– Спасибо, что решил выделить для нее время в своем графике. Я знаю, как ты занят. – Больше сарказма.

Я поднял свой бокал, делая вид, что произношу тост.

– Что угодно для моей племянницы.

И ничего для ее родителей.

– Мэдди, полагаю, ты будешь не в настроении играть с нами в «Монополию» позже? Наверное, ты устала. – Мама повернулась к моей фиктивной невесте, хлопая густо накрашенными ресницами. – Это традиция, которую соблюдают женщины семьи Блэк всякий раз, когда мы оказываемся в Хэмптонсе.

Мэд оживилась.

– Правда? Не помню, чтобы мы играли на Рождество.

Я воздержался от того, чтобы озвучить, что мама только что придумала эту традицию. Моя семья пребывала в восторге от Мэдисон, и я не совсем понимал, почему.

– Тогда мы хотели дать вам с Чейзом немного времени, э-э, побыть наедине в качестве новоиспеченной пары.

Меня настораживало то, что мама инвестировала в Мэдисон больше, чем я в фондовый рынок. Может, ей просто нравилась идея, что я не умру старым, одиноким Гринчем. Мэдисон – единственная девушка, которую я привел домой со времен «Той-кого-нельзя-называть».

– Я бы с удовольствием поиграла, – радостно воскликнула Мэд. И я не сомневался в ее энтузиазме. Знал, что она скорее примет ванну во фритюрнице, чем проведет лишнюю минутку со мной.

Кэти с мамой обменялись взглядами. Теми, которыми они делились всякий раз, когда смотрели «Гордость и предубеждение», где Колин Ферт, заикаясь, пытался произнести на экране что-то очаровательное.

Я вонзил нож в свой стейк, будто он первым решил меня атаковать, наблюдая, как мясо сочно истекает кровью, чувствуя надвигающуюся беду, нависшую над моей головой.

Мэд пускала свои вызывающе пестрые, узорчатые корни в семью Блэков, а мои родители и сестра стремительно пали пред ее очарованием.

В отличие от меня. Я оставался единственным Блэком, невосприимчивым к ее чарам. К ее улыбке. К ее сердцу.

Я обещал себе.

Глава 5

Мэдди

1 марта, 2001

Дорогая Мэдди,

Сегодня выдался плохой день. Знаю, ты расстроилась, когда мы сказали, что не можем позволить себе оплатить школьную поездку к статуе Свободы. У нас с твоим отцом финансовые трудности; это не секрет, хотя я бы предпочла хранить это в тайне. Мне бы хотелось иметь возможность держать сей факт подальше от тебя, чтобы исполнять все твои желания.

Я так много хочу тебе дать, но не могу. Мое лечение становится все дороже, и с тех пор, как твоему отцу пришлось нанять помощника для управления магазином на время моей реабилитации, мы относимся к вещам, которые считали само собой разумеющимися, как к роскоши.

Что окончательно разбило мне сердце сегодня, так это даже не то, что ты грустила о поездке, а что пыталась скрыть это от нас. Ты вернулась из своей комнаты с покрасневшими глазами и носом, но улыбалась так, будто ничего не произошло.

Интересный факт дня: в Индии жасмин называют «королевой ночи» из-за его сильного аромата после заката. Я оставила несколько цветков в твоей комнате. Мой способ извиниться. Не забывай заботиться о них. Можно многое узнать о чувстве ответственности и преданности человека по тому, как он ухаживает за своими цветами.

Спасибо, что заботишься о нас, даже когда мы не в состоянии позаботиться о тебе во всех сферах жизни.

С любовью, мама. Х

* * *

– Честно говоря, я думала, что мы тебе не очень нравимся. – Кэти передвинула фигурку по доске игры «Монополия», сосредоточенно нахмутив брови. Гостиную

заливал золотистый свет. Роскошные ковры на полированном дереве, камин, достойный отдельной доски в Pinterest, и кремово-голубые покрывала ручной работы заставили меня почувствовать, будто я попала в кокон одного из тех фильмов с Джен Энистон, где все извечно выглядело идеально.

За последние пару часов Кэти скупилла все четыре железные дороги на доске и находилась в процессе приобретения трех домов в оранжевой группе. Последнее, что я запомнила, это то, как она прибила нас с Лори к земле, оставив в обносках и с жалкими маленькими сараями в худших частях города. К счастью, мы с Лори разделили бутылку вина и сплетни о королевской семье, к которой, как выяснилось, обе питали нездоровую заинтересованность. На протяжении последнего часа мы обсуждали детали свадебного платья Кейт Миддлтон, а затем перешли к опасной теме свадебной тиары Меган.

– Ты шутишь? – я прижала бокал к разгоряченной щеке, наслаждаясь ощущением прохлады. Наверное, я говорила невнятно. Четыре порции шампанского и бокал вина на относительно пустой желудок оказались не такой уж хорошей идеей, но мне нужно было притупить всю эту Чейзанутость вокруг себя. А с этим непросто справиться. – Я люблю вас, ребята. Ронан сродни легендарной иконе моды, Лори – мама, которую я хотела бы иметь рядом до сих пор, а ты... Кэти, ты... – Я сделала паузу, опустив взгляд на игровую доску. Мне ненавистна сама мысль, что они думали, будто меня не было рядом из-за них. Ненавистно то, что Чейз скрывал от них правду, тем самым очерняя меня. – Мы с тобой могли бы стать хорошими подругами, правда. Когда мы впервые встретились на Рождество, мое платье лопнуло прямо на попе. Ты и глазом не моргнула, просто проводила меня в свою комнату и дала сменную одежду. – Если точнее, что-то из коллекции «Прада». Мне потребовалось приложить невероятные усилия, дабы отправить его обратно с благодарственной запиской. – Ты потрясающая, Кэти. Просто потрясающая. – Я наклонилась, положив руку ей на плечо. Сквозь туман опьянения я не могла понять, возник ли между нами момент нежности или неловкости.

Кэти встретила со мной взглядом.

– Правда? Потому что я подумала, что причина во мне.

– Почему? – я удивленно распахнула глаза.

– Не знаю, – мило и застенчиво ответила Кэти, она напоминала ребенка, хотя была старше меня. А голос ее точно битое стекло.

– Нет, ты идеальная, – икнула я. – Я тебя люблю.

Неужели я только что призналась в любви относительно незнакомому человеку? А вот и сигнал, что пора отчаливать, пока Мученица Мэдди не обернулась Жуткой Мэдди, потеряв сознание прямо на игровой доске.

– Думаю, мне лучше пойти спать. Кто выиграл? – я покосилась на игру. Она была размыта, маленькие детали плавали вокруг, будто гоняясь друг за другом. Я опять икнула. – Я?

– На самом деле ты должна мне две тысячи долларов и дом на Теннесси-авеню. – Кэти рассмеялась, начиная снимать с доски собаку Скотти, цилиндр и наперсток. Я зевнула, закрыв глаза, и спонтанно вздремнула на долю секунды между морганиями. Где-то в глубине души я осознала, что мое поведение не соответствует образу блестящей ответственной невесты, которую Чейз желал во мне видеть. К черту его. Я ему ничего не должна. Пока его семье весело.

– Надеюсь, тебе не претит напоминать о долгах, и ты принимаешь купоны, Кэти, потому что я на мели, – фыркнула я.

– Все в порядке. Это всего лишь игра. – Сестра Чейза сложила доску и спрятала ее обратно в коробку, напевая себе под нос. Она такая приятная и покладистая. Полная противоположность своему старшему брату. Будто он впитал каждую каплю свирепости в семейном наборе ДНК еще до своего рождения.

– Ага, ну, в реальной жизни я тоже на мели, – хмыкнула я.

Пора ложиться спать, мисс Горячий Экспресс Хаос.

Я поднялась на дрожащих ногах. Колени превратились в желе, а в глазах ощущалось странное давление. Осознание того, что вскоре я встречу лицом к лицу с Чейзом, заставило меня поежиться. Я пыталась отсрочить наше воссоединение, насколько могла, надеясь – буквально молясь, – что он заснет до моего возвращения в комнату.

– Ненадолго. – Лори рассмеялась.

Я последовала ее примеру. Потом замерла. И нахмурилась.

– Подождите, о чем вы?

– Ну, – Лори пожала плечами, собирая несуществующие ворсинки со своих классических брюк, пока Кэти продолжала возиться с коробкой «Монополии», – ты ведь выходишь замуж за Чейза, милая. А Чейз... хорошо обеспечен.

Кэти подавилась газировкой, а я использовала все свое самообладание, чтобы не расхохотаться.

– Ох, Лори, вы даже не представляете, насколько, – сказала я.

Теперь расхохоталась Кэти. Удивительное зрелище. Изящная темноволосая красавица с аккуратно заколотыми назад волосами показала себя во всей красе и рассмеялась. Я усмехнулась. Интересно, когда она в последний раз по-настоящему веселилась? И следом подавила желание пригласить ее на нашу с Лайлой вечеринку. В эти выходные Мученицу Мэдди следовало отключить, дабы убедиться, что не возникнет дальнейших осложнений.

Впрочем, Лори не ошиблась. Чейз – миллиардер. Его уровень богатства измерялся золотыми сиденьями для унитаза и частными самолетами с секс-качелями. Уровень под названием «я-сожгу-деньги-чтобы-просто-посмотреть-на-твою-реакцию». Страшный, пресыщенный тип зажиточности, который казался совершенно недостижимым с того места, где стояла я.

И тут меня осенило, что во время наших отношений я никогда не рассматривала деньги Чейза как влияющий фактор. Его богатство служило фоном наших встреч, как массивный предмет мебели, который я научилась не замечать, хотя он и оставался частью вида. Когда он спросил, что я хочу на Рождество, я ответила, что мне нужна новая грелка. На «Amazon» она стоила двадцать пять баксов, была доступна по подписке Prime, а за дополнительную плату можно было получить подарочную упаковку. Чейз рассмеялся и вместо этого подарил мне пару сережек за десять тысяч долларов. Он не мог понять, почему я не испытывала восторг от столь щедрого подарка. А я прекрасно осознавала, что после Рождества останусь на мели, и действительно рассчитывала на эту

грелку.

Я не желала чего-то дорогого и бесполезного. Хотелось чего-то не столь роскошного и приносящего пользу.

Комментарий Лори на мгновение заставил меня протрезветь. Я кивнула, вернувшись в режим счастливой невесты.

– Ах, да. Конечно. Но я буду очень ответственно относиться к его деньгам. То есть к нашим. В целом к деньгам. – Замолчи, замолчи, замолчи. – Я не трачу много.

– Ну, все мы знаем, что у меня противоположная проблема. – Кэти посмотрела себе под ноги.

Отчаянно желая сменить тему, я хлопнула в ладоши, стоя посреди комнаты.

– Кстати, где Эмбер? Я правда очень хотела познакомиться с ней поближе.

И под «правда» я имела в виду «не совсем», но мне казалось, что я должна это произнести.

Кэти и Лори переглянулись. Я была пьяна, но не глупа и могла сказать, что они обмениваются взглядами, как это делали мои родители, когда единогласно решали, что мне не стоит чего-то знать.

– Она устала, – сказала Кэти.

А Лори следом пробормотала:

– Думаю, она приболела.

Ха.

Значит, Эмбер меня невзлюбила. Без видимой на то причины, насколько я могла судить.

– Печально, – сказала я.

– Очень, – пробормотала Лори голосом, подразумевающим обратное. Затем я вспомнила, что Лори и Эмбер почти не общались за ужином. С другой стороны, Эмбер либо была занята своим телефоном, либо одновременно смотрела на нас с Чейзом, будто ожидая, когда один из нас самопроизвольно взорвется.

На прощание я поцеловала Лори с Кэти в щеки и направилась к двери. Я пообещала себе не приписывать реакцию Эмбер на свой счет. Ведь я не сделала ничего плохого.

«Помимо того, что обманула всю семью Блэков», – подсказал тихий голосок внутри меня. Но Эмбер об этом неизвестно, не так ли? Потом я вспомнила, что она, похоже, не купилась на мою историю о Бруклине. Как и ее муж Джулиан. Меня беспокоило, что я могла все испортить. Узнай Ронан, что мы с Чейзом лжем, он будет опустошен, а я не смогу с этим жить.

Я поднялась по лестнице босиком. Бархатный ковер окутывал пальцы ног. Все было в кремовых, темно-синих и пудрово-голубых тонах. В морском деревенском стиле, с крупными предметами мебели и покрашенным в белый цвет деревом. Быть частью этого места казалось настолько нереальным, будто я проникла сюда обманом. Хоть доля правды в этом и была.

Я добралась до второго этажа, изо всех сил держась за перила, все еще слегка пошатываясь от алкоголя. И зигзагом прошла мимо дверей коридора. Одна двустворчатая дверь оставалась приоткрыта.

Сквозь щели просочилось низкое хриплое рычание:

– Только через мой труп.

Я замерла, узнав дьявольский голос Чейза. Казалось, он готов убить того, кто находился с ним в комнате, и мне бы не хотелось находиться там в этот момент.

«Проходи дальше, – прошептал внутренний голос. – Здесь не на что смотреть. Не твое дело, не твоя война».

Я проверила время на телефоне. Час ночи. Какого черта Чейз там делал и с кем спорил? Любопытство взяло надо мной верх. Я прислонилась к стене, затаив дыхание, стараясь не попасться.

– Если потребуется, – насмешливо протянул Джулиан. Его голос я тоже узнала. В нем слышались нотки шотландского акцента, проскальзывавшие в некоторых словах. Семья Ронана Блэка родом из Эдинбурга. Джулиана, сына покойной сестры Ронана, забрали из Шотландии в шестилетнем возрасте, после того, как его родители погибли в автокатастрофе на Рождество. Чета Блэков, Лори и Ронан, однажды сказали в интервью, что Джулиан стал лучшим рождественским подарком, который они когда-либо получали. Я прочитала об этом на странице семьи Блэков в Википедии, будучи одержимой Чейзом в течение первого месяца наших отношений. Они с Джулианом росли как братья и, согласно статье в интернете, сохраняли близкие отношения. Кто бы ни заполнял эту страницу, он явно был не в себе, поскольку за те полгода, что я провела с Чейзом, он редко упоминал при мне своего кузена и ни разу не представил нас друг другу. Теперь, когда Джулиан оказался рядом, они с Чейзом вели себя как заклятые враги.

– Не путай мою преданность отцу со слабостью. Мое внимание сосредоточено на его здоровье и благополучии. Если с ним что-то случится... – Чейз не закончил фразу.

Я сунула нос в щель между дверями и заглянула внутрь. Они стояли в полумраке библиотеки. В великолепной комнате с белыми полками от пола до потолка, на которых стояли тысячи книг, казалось, что они расставлены по цвету корешков. Чейз прислонился к тяжелому дубовому столу, упираясь костяшками пальцев в дерево. Джулиан стоял перед ним, высокий, но не как Чейз, тень моего фальшивого жениха нависала над ним, словно темный замок.

Джулиан раздраженно вскинул руки.

– Это произойдет. Отец умирает, и ты не подходишь ему на замену. Тебе тридцать два, и ты едва вылез из своих корпоративных подгузников. Ты распугаешь акционеров и оттолкнешь инвесторов.

– Я исполнительный директор, – прогремел Чейз. Я впервые услышала, как он повысил на кого-то голос. Он всегда оставался смертельно спокойным и полностью контролировал ситуацию.

– Ты чертов вор, вот кто ты, – огрызнулся Джулиан. – Ты доказал это три года назад, и я до сих пор все помню.

Три года назад? Что произошло три года назад? Разумеется, я не могла просто войти и спросить. Один из самых печальных побочных эффектов подслушивания.

– Он выбрал меня в качестве преемника. Тебе досталась должность директора по информатизации. Смирись с этим, – рявкнул Чейз, прикрыв глаза.

– Он выбрал не того, – невозмутимо ответил Джулиан.

– У тебя хватает наглости говорить со мной об этой ерунде на вечере, посвященном моей помолвке. – Чейз откинулся назад, открыл ящик и достал оттуда сигару. Вместо того чтобы поджечь, он сломал ее пополам и пощупал табак.

Он пытался не сорваться, осознала я.

– Кстати об этом. – Джулиан сел на стул позади него, скрестив ноги. – Как только я встретил маленькую мисс Луизу Кларк, я понял, что что-то не так.

– Луизу Кларк? – Чейз нахмурился.

– «До встречи с тобой». Смотрел этот фильм с Эмбер. Она рыдала навзрыд.

– Я бы тоже так делал, если бы мне пришлось постоянно с тобой трахаться, – пробормотал Чейз. – В твоей реплике есть какой-то смысл?

– Твоя невеста. Она Луиза Кларк. Ты же не думаешь, будто мы поверим, что ты женишься на этой... этой...

– Этой? – Чейз перестал мять табак и приподнял бровь, побуждая кузена закончить предложение. Я сглотнула. Мое сердце беспомощно колотилось в груди. Мне не хотелось слышать, что последует дальше, но я не могла сдвинуться с места.

– Брось, – фыркнул Джулиан. – Прежде чем мы стали врагами, мы были братьями. Я хорошо тебя знаю. Эта эксцентричная, вычурная, причудливая, хоть и не глупая цыпочка не в твоём вкусе. Ты предпочитаешь модельную внешность, лишенную индивидуальности. Твой типаж носит дизайнерскую одежду и не напивается до беспамятства во время семейных встреч. Я вижу тебя насквозь, Чейз. Ты хочешь показать Ронану, что годишься для новой должности. Что готов остепениться, завести детей и все такое. С обычной, среднестатистической девушкой. Так ты теперь такой, братишка? Примерный? Надежный? Всесторонне развитый мужчина? – Джулиан запрокинул голову и рассмеялся. Затем встал, качая головой. – Я не куплюсь на твою внезапную помолвку и эти отношения. Ты просто борешься за место генерального директора, чтобы отомстить мне, строя из себя высокопоставленного и могущественного. Можешь сколько угодно играть в семью с девчонкой на шесть баллов, но я ни на секунду не поверю, что ты женишься на ком-то меньше десяти.

Шесть баллов. Меня мутило так сильно, что чуть не вырвало. Мне хотелось дать Джулиану пощечину. Как он посмел оценивать меня? И как Чейз смеет просто стоять и выслушивать это? Я его фиктивная невеста. Черт, в конце концов, бывшая девушка. Живой человек. Он не должен позволять Джулиану так говорить обо мне.

– Думаешь, я хочу занять должность, только чтобы отомстить? – Чейз ухмыльнулся, забавляясь.

– Почему же еще? После окончания учебы ты нисколько не заботился о работе.

– Ох, пошел ты, Джулиан.

– Нет, это ты катись куда подальше.

– Что ж. – Чейз расплылся в такой ледяной улыбке, что у меня все внутри сжалось. – Сложилось так, что вакансия исполнительного директора пока недоступна, поэтому тебе придется сидеть и смотреть, к чему приведет моя так называемая фальшивая помолвка.

Приведет?

Приведет к чему?

Я сказала Чейзу, что это разовая акция. Я не собиралась играть роль послушной невесты, будто это какая-то романтическая комедия с Кейт Хадсон. Он прекрасно знал, что поездка в Хэмптонс уже нарушила мои личные границы. Точнее, воспламенила их.

Ему также известно, что ты Мученица Мэдди и не остановишься ни перед чем, дабы угодить другим, независимо от того, кто это и как ты к ним относишься.

Мне потребовалось несколько секунд для осознания того, что Чейз направляется к двери. Я отпрянула назад и метнулась в нашу комнату, спотыкаясь о собственные ноги. Оказавшись внутри, поспешила закрыть за собой дверь, при этом случайно задев вазу. Не желая попасться, оставила осколки на полу и бросилась в ванную. Заперла дверь и, тяжело дыша, прижалась к ней спиной.

Спустя пару мгновений я услышала, как вошел Чейз, а следом хруст разбитого стекла. В вазе стоял жасмин. Его запах пропитал воздух, наполняя комнату густой сладостью, которая просачивалась из-под щели двери в ванную. Мне стало жаль цветы, раздавленные ботинком Блэка. Мое сердце однажды пережило подобный опыт.

– Мэдисон! – проревел он в тишине. Его голос пронзил воздух.

Я вздрогнула. Меня не волнует мнение Чейза, но я ненавидела то, что все остальные стали свидетелями того, как я напилась сегодня вечером, и что Джулиан швырнул это в лицо моему фиктивному жениху.

– Я знаю, что ты там. – Голос становился ближе, ниже. Мой ужин забивал горло, умоляя очистить желудок. Зная, что дверь плотно заперта, я поспешила к унитазу, подняла сиденье, и меня стошнило. Все мое тело содрогнулось, когда желудок избавился от того немногого, что я съела сегодня вечером.

– Надо было нанять на эту работу какую-нибудь студентку, – пробормотал он себе под нос за дверью, резко дернув ручку. – Предпочту веселую пьяницу грустной в любой день гребаной недели.

Веселье в пьяном виде невозможно, когда поблизости находится такой придурок, как ты.

Меня продолжало тошнить. Слезы стекали по влажным щекам, змейкой спускаясь ко рту, их соленый вкус оставался на языке. Я ни разу не напивалась. Должно быть, я волновалась сильнее, чем думала.

Завтра, в десять утра, нам предстояло отправиться в семейный поход. Я очень сомневалась, что смогу встать с постели, даже если доберусь до нее, а не отправлюсь прямиком в отделение неотложной помощи.

– Мэдисон!

– Оставь меня в покое. – Я поднялась, чтобы почистить зубы. Добралась до раковины и свалилась обратно на пол. Давление в голове не позволяло открыть глаза. Слова Джулиана крутились внутри, словно белье в стиральной машине. Шесть баллов. Я оказалась мучительно заурядной и чувствовала себя не в своей тарелке.

Я предприняла вторую попытку добраться до раковины и попытаться почистить зубы, когда Чейз выбил дверь. Лишившись опоры, она полетела на пол, приземлившись с глухим звуком. К счастью, здешняя ванная комната просторнее моей студии, и дверь оказалась в нескольких футах от меня. Я подняла взгляд и, разинув рот, несколько раз моргнула.

Этот идиот выбил дверь.

– Ты... ты глупый... – Я прищурилась, пытаюсь найти подходящие слова. И провалилась. Чейз подошел ко мне, поднял меня с пола и поставил возле раковины. Затем открыл кран и принялся умывать мне лицо, проводя своей большой ладонью по носу и рту. Он держал меня за талию, чтобы я не упала.

– Закончи мысль, Мэд. Чувствую, будет занятно, – бесцветным голосом произнес он, доставая мою зубную щетку из серебряного контейнера на раковине и щедро нанося на нее зубную пасту.

– Высокомерный... надменный... эгоистичный...

– Не-а. Использовать синонимы запрещено. Это жульничество.

– Ублюдок! – взревела я.

– Вот теперь мы куда-то продвинулись. – Он засунул зубную щетку мне в рот, слегка надавливая на нее, пока чистил мне зубы. Чейз выполнял работу тщательно. Разумеется, как и всегда. – Что еще скажешь?

– Глупый...

– Глупым ты меня уже называла.

– Ладно, тупой...

– Как насчет того, чтобы продолжить это завтра? – Чейз прервал поток моей ругани. – Обещаю убедительно изобразить, что я оскорблен, и плакать в подушку, как только ты завершишь свою речь. – Он закончил чистить мне зубы, ополоснул щетку и налил стакан воды, чтобы я прополоскала рот.

Я была слишком сбита с толку, чтобы притворяться, будто меня волнует, что он заботится обо мне. За те полгода, что мы встречались, я старалась не показывать ему какую-либо часть моей менее очаровательной стороны. Я чистила зубы до его пробуждения, дабы избежать неприятного запаха изо рта, опустошала кишечник при включенном душе, чтобы Чейз ничего не слышал (что временами загоняло меня в угол, и я стала часто принимать душ у него дома). А также упорно притворялась, что у меня нет месячных, избавив его от упоминания о визитах Матери-природы. Теперь я в его доме и позволила ему помочь мне избавиться от следов рвоты изо рта, стоило ему надеть мне кольцо на палец. Да, у иронии действительно отвратительное чувство юмора.

Я прополоскала рот водой, которую Чейз помог мне набрать, затем сплюнула в раковину и покосилась на него.

– Ты мне не начальник.

– И чертовски за это благодарен, приручать тебя было бы сущим кошмаром. – Не удостоив меня взглядом, он схватил мою розовую сумочку с туалетными принадлежностями и вытащил две салфетки для снятия макияжа. Затем принялся тереть мне глаза, вероятно, опасаясь, что моя водостойкая тушь за

пять баксов испачкает его постельное белье стоимостью в пять тысяч.

– А ты был бы настоящим тираном, – пролепетала я. Он усмехнулся, выбросил грязные салфетки в мусорное ведро, подхватил меня на руки и понес обратно в спальню. Я все еще пыталась придумать креативные оскорбления, отказываясь поддаться искушению и обнять Чейза за шею. В моем дыхании до сих пор чувствовалось послевкусие рвоты, но я оставалась на удивление невозмутимой, когда говорила прямо ему в лицо.

– Ты даже не так привлекателен, – пробормотала я, пока он опускал меня на кровать. Чейз снял с меня туфли, затем потянулся к потайной молнии моей юбки-карандаша и стянул ее. Он раздевал меня догола. Но я об этом не беспокоилась, поскольку испытывала настоящее удовольствие, избавляясь от формальной одежды. В любом случае, у меня нет ничего, чего бы он не видел ранее. И мы точно не соблазняли друг друга. Я чувствовала себя полумертвой, а Чейз фактически признал мою заурядность перед Джулианом, не встав на мою защиту.

И еще... я ненавидела его до глубины души.

– Ты холодный, саркастичный, и тебе не хватает элементарного сочувствия. – Я продолжала перечислять его недостатки. – То, что ты помогаешь мне сейчас, не означает, что я забыла о твоей сущности. Воплощение дьявола. Тебе далеко до звания прекрасного принца. Во-первых, ты грубый. И не из тех, кто спасает принцесс. Ты бы скорее отправил кого-нибудь другого, чтоб ее спасли для тебя. Кроме того, на лошади ты бы смотрелся нелепо.

Я почти сожалела, что меня больше не тошнит. Уж лучше рвота, чем то, что вырывалось у меня изо рта, пока я пыталась оскорбить Чейза. Какой-то второсортный материал.

– Разрешите снять лифчик, – хрипло сказал он.

– Разрешаю, – хмыкнула я.

Одной рукой он расстегнул мой лифчик, затем достал из ящика прикроватной тумбочки свитер с эмблемой Йельского университета. Он натянул его через мою голову, но замер, пару мгновений глядя на обнаженную грудь.

– Сфотографируй. Продлишь момент.

Тяжело сглотнув, он одним движением натянул на меня свитер. Ткань оказалась теплой, мягкой, ее носили бережно. И она пахла Чейзом.

– И вообще, что за имя такое Чейз Блэк? – я непривлекательно фыркнула. – Звучит как выдумка.

– Прости, что разочарую, но оно так же реально, как и похмелье, которое ждет тебя утром. Предлагаю выпить это. – Он открыл бутылку воды «Эвиан», стоявшую на тумбочке, и протянул ее мне. Чейз закатал рукава своей черной классической рубашки до локтей, обнажая предплечья, такие жилистые и мускулистые, что я удивилась, почему не любовалась ими чаще, когда у меня еще имелась возможность. – Я принесу тебе обезболивающее.

– Подожди! – окликнула я его, когда Чейз уже достиг двери. Он остановился, но не обернулся ко мне. Рубашка так восхитительно обтягивала его спину, что я практически злилась на себя за то, что во время отношений мы никогда не обменивались голыми снимками.

– Собери цветки жасмина и поставь в вазу со свежей водой. Они не заслужили смерти, – прохрипела я. – Пожалуйста.

Он что-то проворчал, качая головой, будто признавая, что я безнадежный случай.

Последнее мое воспоминание сводится к тому, что я проглотила две таблетки, которые Чейз положил мне в рот, и сразу же отключилась.

На следующий день я проснулась с сильнейшей головной болью. Часы на прикроватной тумбочке показывали одиннадцать. Теперь официально – выходные начались с того, что я потерпела поразительный провал в том, что касалось моих обязанностей очаровательной невесты. Сначала я случайно напилась; затем пропустила семейный поход Блэков. Комната была пуста, если не считать подноса с беконом, яйцами, свежим поджаренным тостом с маслом и дымящейся чашкой кофе. На комоде возле двери стояла новая ваза, полная слегка потрепанных жасминов. Аккуратно сложенное одеяло и взбитая подушка

лежали друг на друге на полу.

А на тумбочке нашлась записка.

М,

Ушли в поход. Жасмин жив. Предположим, что ты тоже, выпей немного алкоголя за завтраком, который я для тебя оставил.

PS:

Я бы прекрасно смотрелся на лошади. #Факт.

Ч.

* * *

Оставшуюся часть выходных я провела, усердно работая над тем, чтобы искупить свою вину в глазах Блэков.

Во время обеда я не отходила от Кэти и Лори, поддерживая приятную беседу и помогая маме Чейза зашивать порванную ткань ее любимого винтажного платья. Затем, засучив рукава, испекла для всех булочки, подшучивая над семейным пекарем (потому что у какой семьи не было своего пекаря?), и смеялась с Кэти, которая не участвовала в процессе, но с довольным видом сидела на столе и рассказывала мне о своем предстоящем полумарафоне.

– Это единственное, что помогает мне чувствовать себя успешной. Папа предоставил мне работу и вложил достаточно денег в мое образование, но бег? Никто не делает это за меня. Это полностью моя заслуга.

Когда семейство Блэков отправилось на дегустацию вин, я решила остаться, поскольку прошлой ночью выпила достаточно и опасалась, что теперь даже запах алкоголя способен расстроить мой желудок. Я делала наброски и любовалась закатом на Мемориальном пляже Фостера; океан, разбиваясь о

берег, щекотал мне пальцы ног своей пеной. Воздух был соленым и чистым. Мое сердце болезненно сжалось. Маме бы понравился этот пляж.

На телефон пришло сообщение.

Лайла: Ита-а-а-ак?

Мэдди: Ита-а-а-ак?

Лайла: Что происходит? Кстати, я думаю, что Свен за тобой следит. Он знает, что семья Блэков в эти выходные в Хэмптонсе. И так совпало, что он решил зайти к тебе, мне пришлось сказать ему, что ты уехала. Но об этом потом, лучше скажи, стоит ли мне волноваться за зефирное сердце Итана?

Мэдди: Нет. Чейз как всегда груб.

Лайла: Полный отстой. В стиле «хочу-от-него-детей-социопатов», да?

Мэдди: Во-первых, не могу поверить, что тебе позволяют работать с детьми. Во-вторых, я тебе уже говорила. Он неисправимый изменник, который может только обманывать, и мы не оттаем к нему (мы = я и мое тело).

Лайла: Звучит так, будто ты пытаешься убедить в этом себя.

Лайла: Кроме того, просто хочу отметить, что в июле прошлого года меня выбрали учителем месяца. Так что, ХА.

Мэдди: Ты имеешь в виду, во время летних каникул, когда в школе нет детей?

Лайла: Пока, тусовщица. Передавай привет паутине у тебя между ног.

Должно быть, я действительно увлеклась рисованием на пляже, поскольку, вернувшись в особняк, обнаружила, что дверь ванной комнаты снова была в порядке. Чего нельзя сказать о вашей покорной слуге. Чейз уже принял душ, оделся и выглядел на миллиард долларов, будучи готовым к ужину. Весь день мне успешно удавалось избегать его, проводя время с его семьей. Я отказывалась благодарить фиктивного жениха за заботу обо мне прошлой ночью на том основании, что он изменил мне и все еще оставался придурком, и я решила продолжать игнорировать его добрый поступок. Чейз спросил, может ли он рассчитывать, что меня не стошнит за столом. Показав ему средний палец, я направилась в душ, где все еще стоял пар. Чейз спустился вниз, дабы провести время с отцом и племянницей, а я бросила три бомбочки для ванны в джакузи и лежала в ней, пока моя кожа не стала напоминать чернослив, а я не уменьшилась до размеров десятилетнего ребенка. Затем выбрала себе вечерний наряд (черное платье трапециевидной формы с кошачьими ушками на плечах в сочетании с оранжевым кардиганом и синими туфлями).

За ужином я не выпила ни капли алкоголя и вежливо игнорировала убийственные взгляды Эмбер. Ее безупречная красота вкупе с тем фактом, что ее муж думал, будто я недотягиваю до нужного уровня, пробудили во мне нечто такое, о существовании чего я и не подозревала. К счастью, ее дочь Клементина, которой на вид около девяти лет, неожиданно оказалась очаровательной. Я сразу поладила с этой маленькой рыжей девчушкой. Мы поговорили о том, у кого из принцесс лучшие платья (у Золушки и Белль, без сомнений), потом о наших любимых супергероях. Именно здесь мы разошлись во мнениях. Клементина воскликнула, что на первом месте у нее Чудо-женщина, в то время как я думала, что самый очевидный ответ – Гермиона Грейнджер. Что привело к еще одному спору о том, можно ли отнести Гермиону к разряду супергероев.

Определенно можно.

Клементина фантастическая. Общительная, яркая, смешная. Помогло и то, что она совсем не походила на своего мрачного отца и красавицу мать. Чистая сущность с другим оттенком кожи, созвездием веснушек на носу и неровными зубами.

Я легла спать пораньше, избегая всякого общения с Чейзом, и пребывала в восторге, когда проснулась утром и не только почувствовала себя обновленной, но и снова обнаружила его спящим на полу. Я воспользовалась моментом, дабы понаблюдать, как он хмурится во сне, густые полосы его темных бровей

сводятся вместе. В моей груди развернулось нечто теплое и недозволенное.

Дьявольский красавчик.

Я повернулась к нему спиной и проспала все оставшееся утро, но прежде, следуя примеру Чейза, написала ему записку и оставила ее на прикроватной тумбочке.

Ч,

Спасибо, что почистил мне зубы в пятницу вечером.

В следующий раз не используй всю горячую воду.

PS:

На лошади ты бы выглядел нелепо.

М.

Глава 6

Чейз

Пока Мэдисон принимала душ, я скомкал ее последнюю записку и отправил в мусорное ведро. А следом нацарапал ответ.

М,

Не могу не заметить, что ты никак не прокомментировала выживший жасмин. Неудивительно, что мы расстались. Ты всегда была неблагодарной (сразу

вспоминаются рождественские бриллиантовые серьги).

PS:

Re: я на лошади. Чувствую запах пари?

Ч.

Я с трудом принимал тот факт, что моя податливая, робкая бывшая девушка превратилась в дерзкого, не терпящего всякой ерунды воина.

В дверь постучали.

– Войдите. – Я отложил ручку. Думал, что это отец. Мы не сумели выкроить время, чтобы поговорить с глазу на глаз в течение выходных, и я задавался вопросом, заметил ли он напряженность между мной и Джулом. За последние три года у нас с ним выдалось не так много совместных семейных посиделок. С тех пор, как папа объявил, что я стану исполнительным директором Black & Co., его заместителем на посту генерального директора и председателя. Он отдал Джулиану должность директора по информатизации, и смысл был ясен: мне предстояло унаследовать должность отца, когда он отойдет от дел.

С тех самых пор Джулиан затаил обиду. Учитывая положение старшего «сына», он думал, что займет место преемника. Только более он не чувствовал себя наследником и в последнее время отказывался от большинства семейных сборищ. Честно говоря, я удивлен, что он приехал в Хэмптонс. Но, разумеется, все это неспроста – Джул хотел увидеть Мэдисон, узнать, на какой женщине я решил жениться.

Я поднял взгляд на открытую дверь. На пороге стоял не отец. Ко мне заглянула Эмбер.

Чертова Эмбер.

Она надела кожаные штаны, обтягивающие фигуру туже, чем презерватив, и блузку, которую явно забыла застегнуть на своем роскошном, увеличенном

хирургией бюсте. Ее крашенные светлые волосы были распущены, идеальный макияж, вот только перманентные брови придавали ей вид Берта из «Улицы Сезам». Я кивнул в знак приветствия, но не перестал запихивать одежду Мэд в ее чемодан. Безответственность моей фиктивной невесты приводила меня в ярость. В ней полностью отсутствовали организаторские способности. Я не верил, что она соберется вовремя, а мне хотелось убраться отсюда до того, как мы попадем в пробку. Очередная важная причина, почему мы категорически друг другу не подходим.

А вот и еще одна, на случай, если у меня когда-нибудь снова возникнет соблазн окунуться в банку под названием «Мэдисон» – она жуткая пьяница. По шкале от одного до Чарли Шина Мэд оказалась настоящим Мэлом Гибсоном. С ней стыдно связываться. Тем не менее я аплодировал себе за то, что проявил любезность и поддерживал ее, когда она чуть не потеряла сознание. Конечно же, я не мог поступить иначе. Она моя фиктивная невеста, и бросить ее в другой комнате, позволив разбираться самой, казалось холодным поступком даже по моим арктическим меркам.

– Ты один? – Эмбер надула губы, скрещивая руки на груди, чтобы выпятить сиськи. Высший пилотаж.

– Мэдисон в душе, – сообщил я, не поднимая глаз.

Супруга Джулиана восприняла это за приглашение и припарковала свою задницу на край кровати, где лежал раскрытый чемодан. Я продолжал запихивать взрывоопасные ткани в раскрытую пасть багажа, задаваясь вопросом, кто, мать его, производит эту странную одежду, которую Мэдисон покупает с таким удовольствием. Попробовал рассмотреть этикетки, но их не было. Очень многообещающе.

– Клементина хотела попрощаться. – Эмбер наклонилась ко мне, еще сильнее сжимая грудь. Мне очень не хотелось, чтобы она лопнула. Это задержит мое возвращение в Нью-Йорк как минимум на несколько часов.

– Я зайду к ней перед отъездом, – попытался выкрутиться я, но ничего не смог с собой поделывать. Мой голос всегда звучал мягче, когда речь шла о Козявке.

– Нам нужно поговорить о ней. – Эмбер коснулась моего плеча. Если она думала, что тем самым меня остановит, то глубоко ошибалась.

– О Козявке или Мэдисон?

– Я бы хотела, чтобы ты перестал ее так называть, – фыркнула Эмбер.

– Могу сказать тебе то же самое, – невозмутимо ответил я.

Я обиделся на Джулиана и Эмбер за то, что они называли свою дочь именем, не имеющим потенциала к прозвищам. Клемми звучало так, будто это сокращение от хламидии, а Тинни напоминало консерву. Поэтому я называл ее Козявкой, хотя она давно уже их не ковыряла. Когда родилась Клементина, Эмбер спросила меня, что я думаю об этом имени. Я ответил, что мне не нравится. Уверен, именно поэтому она его и выбрала.

– Ладно. Начнем с твоей невесты. Она настоящая? – Эмбер сердито нахмурилась.

Я молча застегнул переполненный чемодан Мэд. Что это еще за вопрос?

– Она немного странная. – Ладонь Эмбер соскользнула с моей руки, теперь ее ноготь рассеянно выписывал круги на ее бедре.

– Мне подходит.

Но это ложь, и мы оба это знали. Во время отношений я не задумывался о том, что Мэдисон не соответствовала моим обыденным предпочтениям, просто потому, что не считал, будто здесь есть над чем задумываться. Она должна была стать очередной интрижкой. Не более того. Теперь, когда Джулиан с Эмбер указали на это, мне следовало признать, что они правы. Мне нравились женщины, соответствующие моим предпочтениям в дизайне интерьера: непрактичные, неприлично дорогие в обслуживании, с нулевой индивидуальностью и требующие частого обновления.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

6,2 фута – примерно 188 см.

2

Гастон – главный антагонист мультфильма «Красавица и чудовище» (1991 г.).

3

Tere siga – эфиопское блюдо, в основе которого лежит сырое мясо.

4

Блэк (англ. Black) – в переводе на русский «черный».

5

Лорд (англ. «Lorde»; настоящее имя Элла Мари?я Лани? Йе?лич-О'Ко?ннор) – новозеландская певица, автор песен и музыкальный продюсер.

6

Сяолунбао – небольшие китайские булочки, приготовленные на пару.

7

Гудман (англ. Goodman) – в дословном переводе на русский «хороший человек».

8

SeriousSinglesOnly – в переводе на русский «только серьезные одиночки».

9

WillMarryAnyoneForABlowJob – в переводе на русский «женюсь на ком угодно ради минета».

10

Медовая ловушка – вовлечение жертвы, обладающей нужной информацией (или же имеющей к ней доступ), в близкие отношения с подосланной женщиной (или

мужчиной) – с целью получения ценных сведений.

11

Дейзи Бьюкенен – вымышленный персонаж романа Ф. Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби».

12

Заботливые Медведи (англ. Care Bears) – разноцветные мишки, впервые нарисованные иллюстратором Еленой Кучарик в 1981 году для поздравительных открыток компании «American Greetings». В дальнейшем стали персонажами многосерийного мультфильма с одноименным названием.

13

Кэрри Брэдшоу – главная героиня телесериала «Секс в большом городе».

14

Пиньята – мексиканская полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги с орнаментом и украшениями. Выполняется в форме животных или геометрических фигур и наполняется различными угощениями или сюрпризами для детей.

Микроблейдинг – цветовая коррекция бровей.

Купить: https://tellnovel.com/shen_l-dzh/d-yavol-nosit-chnyy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)